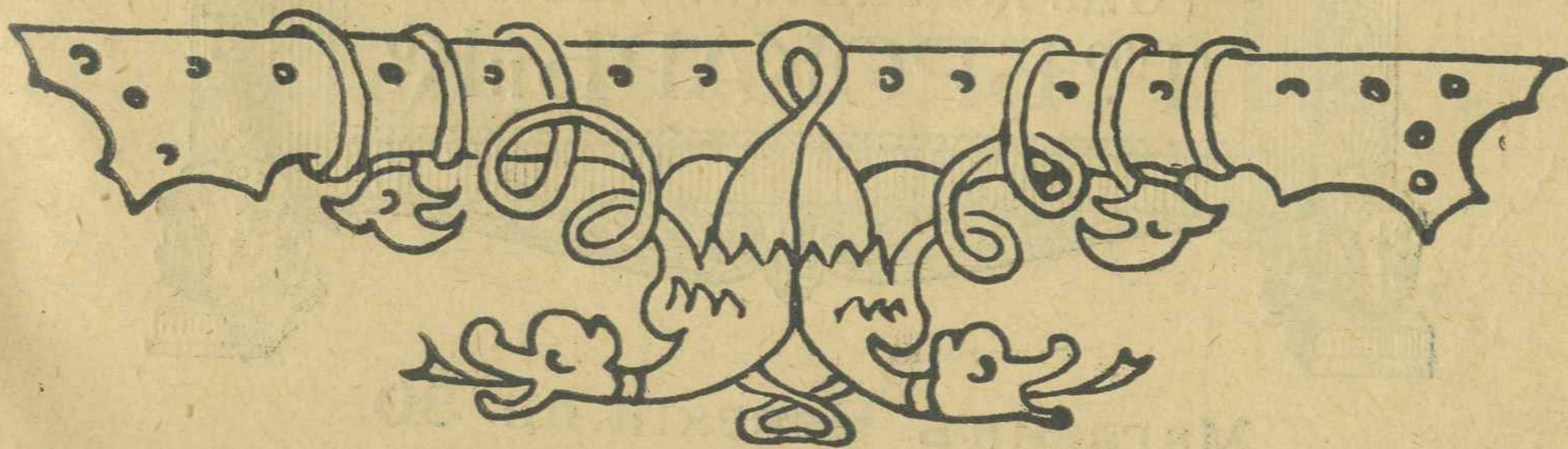

Еженедѣльный журналъ
 учащейся молодежи
 въ пользу семей
 павшихъ въ бою
 ВОИНОВЪ.

Адресъ конторы и редакціи: Петрогр. Стор. Б. Зеленина, д. 8. Контора открыта
 ежедневно съ 10 до 5 час. дня. Редакція—отъ 6 до 8 час. вечера.
 Тел. 530-66.

Бельгійско-Голландскій Магазинъ
ЭСДЕРСЪ и
СХЕФАЛЬСЪ.

Гороховая 15—73, у Краснаго моста.

ПОЛУЧЕНЫ
ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ СЕЗОНА.

Магазинъ: Невскій пр. 30.

Съвержый Тусляръ

№ 2

0271

По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ 2-й номеръ журнала вышелъ съ опозданіемъ, въ чемъ редакція извиняется передъ подписчиками. Слѣдующій номеръ выйдетъ ровно черезъ 10 дней.

Люди, принадлежащіе къ лагерю славянофиловъ, окрестили насъ славянофилами новой формациі; такъ-ли это на самомъ дѣлѣ—будетъ видно изъ дальнѣйшаго, но, что идеи Хомякова, Аксакова, бр. Кирѣевскихъ и другихъ имъ подобныхъ, кажутся намъ устарѣвшими и тѣсными—это такъ, и это безспорно. Многимъ совершенно непонятны наши устремленія,—наше исканіе по пути новыхъ достиженій—способомъ нами избраннымъ.

Какъ можно говорить о новыхъ достиженіяхъ не будучи принадлежностью какой-либо партіи? Не будучи связанъ и опутанъ программой этой партіи? Какъ можно стремиться впередъ, если не смотришь на міръ подъ угломъ зрѣнія, измѣреннымъ много разъ съ точностью до тысячныхъ секунды? Думаютъ эти люди.

Для многихъ совершенно непонятно, какое-бы то ни было исканіе, стоящихъ внѣ партійныхъ программъ, систематически расположенныхъ и тщательно разграфленныхъ.

Но они—эта принадлежность системы—часто забываютъ и смѣшиваютъ стоящихъ внѣ партійности съ тѣми, что стоятъ выше всякихъ партій и системъ,

нынѣ существующихъ и, кидая упреки однимъ, попадаютъ въ другихъ.

Быть выше всякихъ программъ и созерцать міръ съ этой высоты, и созерцая строить, а не подстраиваться подъ чужое и часто намъ не собственное, вотъ по нашему мнѣнію задача и великая и благодарная.

Созерцать міръ съ высоты этой башни, ловить чуть замѣтные проблески новыхъ возможностей, новыхъ достиженій, погружаться въ глубины міра и разливать повсюду елей любви, пѣть гимнъ простору и истинѣ—вотъ что привлекло насъ, укрѣпило надежду, зажгло наши сердца. Избравъ себѣ эту башню, мы построимъ на ней свой сторожевой постъ и отсюда будемъ обозрѣвать весь міръ и живущихъ въ немъ.

И мы не могли поступать иначе, вѣдь мы учимся и наблюдаемъ; своими наблюденіями будемъ дѣлиться съ тѣми, которые захотятъ этого. Для того, чтобы наблюденія имѣли цѣнность—они должны быть переданы объективными созерцателями; развѣ могли мы сдѣлать это, будучи пристрастными и ослѣпленными. Развѣ возможно передать, видѣнное и пережитое душой, прилипшей къ знамени, затаस्कаннымъ.

съ буквами, отпечатавшимися въ этой душѣ. И вотъ мы на башнѣ! Мы зажигаемъ свой маякъ, пусть горитъ онъ яркой звѣздой и свѣтитъ всѣмъ, утратившимъ путь! Наша цѣль—духовное совершенствованіе, а путь—путь критики, самокритики и самоопредѣленія; раскрытіе духовныхъ глубинъ и извле-

ченіе всего цѣннаго; борьба со всѣмъ, что противно природѣ нашего духа; стремленіе настоящаго человѣка—машину,—даваго жизнь и душу машинѣ, но утратившаго ее самимъ,—вновь превратить въ человѣка,—въ существо одухотворенное и прекрасное и на этомъ пути, да поможетъ намъ Богъ!

Сами пишемъ-сами продаемъ.

Кто не знаетъ, какъ трудно живется небогатому студенту. Какую страшную нужду испытываетъ учащаяся молодежь. Особенно остро чувствуется она въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Москва и Петроградъ.

Недостаточность матеріальныхъ средствъ учащихся, вызываетъ неизбежное недоѣданіе, холодные чердаки и подвалы, съ уныніемъ ихъ обитателей,—отсутствіемъ этихъ средствъ объясняется и то обстоятельство, что нѣтъ широкихъ организацій, удовлетворяющихъ неотложнымъ потребностямъ молодежи: организація научныхъ экскурсій полезныхъ собраній и многого другого не менѣе цѣннаго и полезнаго, какъ въ смыслѣ научномъ, такъ равно и—воспитательномъ.

Недостаточность матеріальнаго обезпеченія,—это самое печальное—часто—роковое обстоятельство,—лишаетъ возможности многія тысячи молодыхъ людей получить необходимое высшее образованіе, кладетъ почти на всѣ студенческія устремленія суровый отпечатокъ пришибленности—забитости, вызываетъ печальное слѣдствіе—упадокъ духа, доводящій до уродства и болѣзненной изломанности; рождаетъ песси-

низмъ, ведущій къ абсолютной апатии и бездѣятельности, а иногда служитъ причиной самоубійствъ.

Отсутствіемъ этихъ средствъ создаются условія невозможнаго существованія и тысячи изъ насъ, не приспособленныхъ и жалкихъ, выбрасываются—на „рынокъ жизни“ и гибнутъ въ бесполезной борьбѣ, даже не ставъ „навозомъ“ для идущихъ за нами.

А кто знаетъ, быть можетъ язвы общества, язвы молодежи—карьеризмъ, мелочность, лакейство и проч. и есть тотъ продуктъ матеріальной нужды, которая такъ остро поражаетъ корни молодого растенія и ведетъ къ растленію духа,—язвы, которыя разрастаясь губятъ все живое; быть можетъ не будь этой нужды теперь—и міръ не служилъ бы ареной алчной наживы и сѣяніемъ зла однихъ, и тусклымъ прозябаніемъ другихъ, часто искреннихъ и благородныхъ.

Въ послѣдніе годы,—когда прогремѣлъ лозунгъ: „Высшая школа для народа!“, когда въ стѣнахъ школы—подъ сводами храма науки—зазвучала рѣчь простолюдина—мужика, зазвенѣла его вольная пѣсня,—матеріальный недостатокъ молодежи сталъ ощущаться

значительно острѣе; и теперь можно смѣло сказать—не боясь погрѣшить—что ни гдѣ въ другомъ мѣстѣ не ощущается этотъ недостатокъ такъ остро и такъ больно, ни гдѣ не нуждается такъ молодежь, какъ здѣсь, въ стѣнахъ высшей школы.

Но, съ не меньшей увѣренностью можно сказать, что и ни гдѣ не переносится этотъ недостатокъ такъ бодро и стойко, какъ именно въ стѣнахъ высшей школы,—въ средѣ учащихся—среди свободнаго задора юности.

Много энергіи потрачено на изысканіе средствъ матеріальнаго обезпеченія, много усилій положено и кладется теперь; само студенчество преждѣ всего шло на встрѣчу помощи своимъ недостаточнымъ товарищамъ и подавало первую необходимую помощь—не равнодушничало и общество.

Всегда чуткое и отзывчивое—на призывы къ добру и строительству лучшаго будущаго—оно особенно тепло и участливо относилось къ молодежи, жаждущей знанія; оно довѣрчиво и съ надеждой смотрѣло на всякія благія начинанія юношества и, по силѣ, стремилось поддержать его. Но, тѣмъ не менѣе, нужда велика, запросы духа огромны и нужны средства, средства. Правда, мы и теперь у общества въ долгу. Мы его должники, но мы стараемся заплатить этотъ долгъ.

Теперь-же, когда мы строимъ наше будущее и звенья будущаго новыхъ поколѣній, строимъ сознательно и по влеченію своего молодого сердца и, являясь инициаторами начинаній этого строительства, въ то же время не забывая настоящаго, которое играетъ чрезвычайно важную роль въ дѣятельности будущаго, мы снова обращаемся съ призывомъ къ обществу, прося его по-

мочь намъ. И даже въ эти тяжелыя дни—едва-ли не болѣе, чѣмъ когда нибудь—намъ необходима поддержка общества.

Собирая средства въ пользу потерпѣвшихъ отъ міроваго пожара, войны—путемъ продажи нашего журнала—и въ то же время, имѣя задачей сплотить молодежь, выявить ея современное настроеніе—зачатки новыхъ достижений и встрѣтивъ, къ нашему удовольствію, самое внимательное къ себѣ отношеніе какъ со стороны общественныхъ группъ, такъ и молодежи, мы рѣшили воплотить въ жизнь другую не менѣе важную и цѣнную мечту: дать возможность нуждающейся части студенчества, продавая этотъ журналъ, заработать кое-какіе гроши, на которые могли-бы жить и учиться, не испытывая острой нужды, хотя-бы десятки нашихъ товарищей. А воплотивъ мечту въ дѣйствительность, пока въ миниатюрѣ и пожавъ плоды, достойные потраченнаго на нихъ труда, мы не остановимся на полпути, а несомнѣнно пойдемъ дальше, съ лозунгомъ—„Поменьше словъ, побольше дѣла“ и, опираясь на мощную поддержку общества, будемъ прокладывать путь,—путь къ истинѣ, добру, любви и справедливости, совершенствуясь духомъ, освобождаясь отъ зла, отъ всего, что такъ или иначе ведетъ къ машинной аккуратности, къ трафарету—къ атрофіи чувствъ прекраснаго. Мы не можемъ и не хотимъ быть тѣми „гвоздиками въ міровомъ организмѣ, которые за то, что они исправно торчатъ на своихъ мѣстахъ, поливаются масломъ“, не можемъ быть для чего-то, мы для кого-то, мы для живого, мы для себя, и жизнь для насъ!

Организовавъ продавцовъ изъ студентовъ, нуждающихся не менѣе тѣхъ,

въ пользу которыхъ мы собираемъ и, давъ имъ возможность благодаря этому заработать, мы обращаемся къ обществу и состоятельнымъ товарищамъ съ призывомъ помочь намъ въ нашемъ добромъ начинаніи!

Отдавая продавцамъ-студентамъ 20—30%, вмѣсто 40—50, которые берутъ мѣстныхъ торговыхъ артели, мы все-же продадимъ больше, чѣмъ какая-нибудь „артель на Фонтанкѣ“, годная лишь на то, что-бы изъ 1000 взятыхъ книжекъ

возвратить 999, да ввести въ расходы на извозчика и сдѣлаемъ разомъ два добрыхъ дѣла: помощь раненымъ и помощь недостаточнымъ учащимся.

Нужда велика! Запросы духа огромны и нужно средствъ, средствъ. А кто не знаетъ, какъ трудно, какъ тяжело живетъ небогатому студенту!

А.

* * *

Зачѣмъ пугаться будущимъ,
Воображать страданія,
И затемнять прекрасныя
И свѣтлыя мечтанія?

Оно вѣдь намъ невѣдомо,
Какъ дно морей глубокое,
И мысли такъ ошибочны,
Какъ облака далекія;

Сейчасъ онѣ собралися,
Грядой сплетясь, раздольныя,
Но скоро вдругъ развѣятся
Безильныя, безвольныя.

Вся жизнь—какъ мимолетное
Видѣніе эфирное:
Появится и скроется.
За гранію могильною.

А. Ильяшенко.

Три идеи въ русской философіи.

(Продолженіе).

Оставляя въ сторонѣ религиозныхъ мыслителей, мы начнемъ разсмотрѣніе русской философіи съ XVIII в., а именно съ Ломоносова и со Сковороды, этихъ двухъ выдающихся людей—современниковъ. Ломоносовъ былъ ученый и философъ; Сковорода—моралистъ—философъ. Ломоносовъ былъ энциклопедистомъ, напоминающимъ Леонардо-да-Винчи, Паскаля и др. Онъ былъ астрономомъ, физикомъ и химикомъ, но въ сочиненіи по этимъ предметамъ выдаетъ себя по всюду, какъ любопытнаго философа. Въ своихъ рѣчахъ о пользѣ химіи, въ разсужденіи о твердости и жидкости тѣлъ, о притягателяхъ силъ и др. высказываетъ положенія философіи.

Такъ, онъ различаетъ первичныя и вторичныя свойства субстанціи, подобно Джону Локку. Знаніе, по мнѣнію Ломоносова, есть понятіе о вещахъ (о первичныхъ свойствахъ субстанціи). Знаніе это порождается врожденнымъ любопытствомъ. Величина и видъ тѣлъ, движеніе ихъ—это предметъ яснаго знанія.

Цвѣта и звуки и силы возникаютъ отъ частицъ и ихъ движенія (напр. кино-варъ изъ ртути). Истинный методъ знанія—математическій путь. Математика—очи науки, а опытъ—руки. Элементы и сложныя тѣла состоятъ изъ атомовъ, ощущенія зависятъ отъ расположенія атомовъ. Не только подобныя общія разсужденія высказываетъ Ломоносовъ, но въ словѣ „о рожденіи металловъ“, и „въ словѣ о твердости и жидкости тѣлъ“, онъ высказывается противъ Ньютона; отрицаетъ тяготѣнія частицъ матеріи однѣхъ къ другимъ, а старается объяснить явленія природы толчками атомовъ разныхъ объемовъ. Въ „словѣ о происхожденіи свѣта“ онъ протестуетъ противъ теоріи истеченія свѣта, и присоединяется къ „волнообразной“ теоріи Гюйгенса. Передъ

нами натур. философъ и оптимистъ, ибо Ломоносовъ признаетъ, что сквозь всѣ явленія природы „небеса повѣдаютъ славу Божию“, т. е. допускаетъ мировую интеллигенцію. Конфигурація Вселенной, по его мнѣнію, отъ Бога.

Кромѣ мыслей гносеологическаго характера, Ломоносовъ всюду вездѣ ратовалъ за великую нравственную силу науки, и обнаруживалъ при этомъ величіе своей души.

Онъ ни къ одному народу не относился враждебно. Говорилъ ли о іудеѣ или о русскихъ, всюду проявлялъ любовь къ человѣку. Его пророчества о „русскихъ ньютонахъ и платонахъ“, уже сбылись на протяженіи исторіи.

Нашъ Лобачевскій, какъ увидимъ ниже, былъ нашъ Ньютонъ, а наши Толстой и Соловьевъ—наши платоны.

Младшій современникъ Ломоносова, Сковорода (1722—1794) съ посохомъ въ рукѣ и съ сумой за плечами исходилъ почти всю Европу. Вернувшись въ Россію, сталъ вести жизнь странствующаго философа. Онъ смѣло ратовалъ противъ людской неправды, онъ училъ о познаніи самого себя; ибо въ основѣ видимаго—лежитъ невидимое, по его мнѣнію.

Невидимое, внутреннее „я“ есть сущность видимаго. „Человѣкъ тѣнь сокровеннаго человѣка“. Если мы не узнаемъ самого себя, мы не въ состояніи познать и внѣшняго міра.

Въ самомъ себѣ надо познать „бытіе самоличное, самоособное“ и самосущее; также бытіе общежительное и гражданское, и, наконецъ, бытіе, сотворенное по образу и по подобию Божию. „Спаситель училъ троякому познанію себя“. (Дружескій разговоръ о душевномъ мірѣ; бесѣда двое; начальная дверь къ христіанскому добронравію и др.).

Какъ Ломоносовъ отличался великой ученостью, такъ Сковорода былъ замѣчательнѣе самоуглубленіемъ и безукориз-

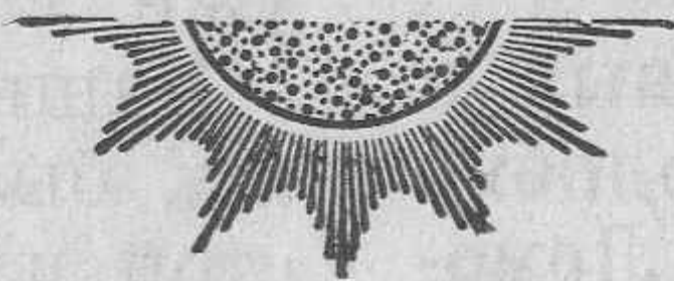
Въ 20-хъ годахъ выступили на поприще исторіи нѣсколько философовъ: Велланскій, Чамичъ, Павловъ и др.

Велланскій не увлекается Кантомъ, а слѣдуетъ Шеллингу и Окену; онъ, какъ и другіе русскіе философы, стремится къ познанію природы, къ міровоззрѣнію жизненному и моральному. Въ своей книгѣ „Обозрѣніе главныхъ содержаній философскаго естествознанія (1815), онъ говоритъ: „умозрительныя понятія господина Шеллинга о сущности природы, не смотря на всѣ возмущенія неразумѣющихъ его противниковъ, составляетъ начало сей эпохи“. Однако онъ относится къ Шеллингу не какъ ученикъ, а какъ самостоятельный мыслитель. Чаще всего онъ примыкаетъ къ Окену, а не къ Шеллингу, такъ онъ говоритъ: „Единственное начало

природы, котораго никакимъ логическимъ заключеніемъ, ни преніями постигнуть не можно, принимается оное непосредственно въ чистомъ умозрѣніи, и такъ ясно, какъ свѣтъ два глаза. Первѣйшій видъ матеріальныхъ образованій есть эфиръ. Жизненный процессъ организма есть образецъ жизни земной планеты, представленный въ маломъ видѣ. Начальный зародышъ какъ растенія, такъ и животнаго есть слизистая точка, раздутая въ пузырь. Животное есть двойное существо образовавшееся по значенію солнца, и планеты. Голова есть эфирное, солнечное животное, а туловище сообразно съ земнымъ элементомъ“. На весь міръ смотрѣлъ Велланскій съ эволюціонной гочки зрѣнія.

К. Жаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Въ чуткомъ снѣ неясной дали
Спятъ забытыя желанья,
Спятъ надежды и печали,
Неглубокія страданья.

* * *

Такъ, въ душѣ моей тревожной,
Въ вереницѣ настроеній,
Засыпаютъ осторожно
Тѣни бывшихъ увлеченій.

* * *

Вѣрь: разсѣются туманы,
Заблестятъ лучи по дали,
Заживутъ на сердцѣ раны,
Какъ-бы долго не страдали...

Ал. Дроздовъ.

Скромный подвигъ.

Ж. М. Карихскому.

Очарованье древнихъ книгъ
Свѣтлѣй другихъ очарованій.
Кокорцевъ.

На пожелтѣвшей, старой кожѣ
Гласить уставъ—красивъ и прямъ—
О жизни, съ нашею несхожей,
О тихихъ думахъ, чуждыхъ намъ...

* * *

Въ постахъ безмолвно-многодумень,
Забытъ житейской суетой,
Благословилъ на трудъ святой
Княжого отрока игумень.

* * *

Лишь солнце вспыхнетъ алымъ свѣтомъ
На куполахъ монастыря,
Послушникъ, скованный обѣтомъ,
Встаетъ, моленія творя,

* * *

И въ кельѣ, на дубовой лавкѣ
Сидитъ, въ молчаньи тихъ и строгъ.
Чертя плетенныя заставки,
Узоры буквъ у красныхъ строкъ.

* * *

На переплетахъ тонкихъ линій
Свѣтло алѣетъ киноварь
Средь сочетанья краски синей
И золотистой, какъ янтарь.

* * *

Родится подъ перомъ павлиньимъ
Строка прямая за строкой...
Гдѣ грѣшный міръ съ его уныньемъ
И нераскаянной тоской?

* * *

Здѣсь, съ каждой буквою устава
И съ титломъ cadaго числа
Предъ нимъ встаетъ Господня слава,
Звучить въ душѣ его хвала.

* * *

Такъ, скромный подвигъ исполняя,
Онъ жилъ въ стѣнахъ монастыря,
Душою съ Богомъ говоря,
Чело надъ книгою склоняя...

* * *

...
Вотъ что сказалъ на старой кожѣ
Уставъ—красивъ и строго прямъ—
О жизни, съ нашею несхожей,
О древней были, чуждой намъ...

Татіана Б.

Ю Л Ъ Ч И.

Туркестанская быль.

Подъ палящими лучами Туркестанскаго солнца ѣду я съ моимъ вѣрнымъ слугою и переводчикомъ Ахмедомъ на сартовской арбѣ,—на двухъ колесахъ съ площадкой изъ досокъ на одной широкой и толстой оси,—этомъ чудѣ техники и, въ тоже время, чуть ли не единственномъ оригинальномъ произведеніи Туркестанской туземной мудрости. Ѣдемъ уже третій день съ остановками лишь для ночлега и короткаго отдыха. Кое когда, впрочемъ, попадаются намъ, какъ оазисы въ пустынь, маленькія въ 3-4 юрты, селеньица (кишлаки) всегда непременно съ однимъ-двумя раскидистыми, тѣнистыми и мощными карагачами надъ родничкомъ или рѣчкой и большой дворнягой съ отрубленнымъ хвостомъ и обрѣзанными ушами, всегда очень злой и весь день отъ скуки перекочевывающей съ одной стороны юрты на другую, сердясь на убѣгающую ея тѣнь. Жарко. Лошадь еле тащится, изнемогая отъ горячаго вѣтра и жажды.

Не въ мѣру всегда болтливый Ахмедъ и тотъ повѣсилъ носъ и даже теперь не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на арбакеша (возчика), когда тотъ, вынувъ изъ голенища какой то плоскій пузырекъ съ зеркаломъ, перекладывалъ изъ него порядочную толлику темнозеленаго табаку себѣ подъ языкъ...

До ближайшаго по плану и довольно большого кишлака съ базаромъ, гдѣ мы рѣшили сдѣлать приваль, оставалось еще верстъ двѣнадцать, а мы, казалось, не вынесемъ и версты,—такъ намъ хотѣлось пить, такъ было невыносимо жарко и такъ опостылѣло намъ

наше далеко не интересное служебное путешествіе.

Мой Ахмедъ то и дѣло вертѣлъ головой въ разныя стороны, внимательно вглядываясь въ безпредѣльную даль степи, ища въ ней завѣтное зеленое пятно, какимъ обыкновенно казались намъ издали обитаемые кишлаки со своими неизмѣнными карагачами.

Всѣ его исканія, однако, оказывались тщетными, и кромѣ голой съ ложными озерами степи, Ахмедъ не видѣлъ ничего, благодаря чему становился все болѣе и болѣе раздражительнымъ и неноснымъ.

Нашъ арбакешъ затанулъ было свою традиціонную безыскусную пѣсенку, но онъ заставилъ его замолчать:

—Что запѣлъ?! Замолчи, — пріятнѣе будетъ тебя слушать!...

И тотъ, убитый мѣткой остротой, къ величайшему удовольствію Ахмеда, считавшаго себя очень остроумнымъ человекомъ, смолкъ.

Меня тоже начиналъ раздражать всякій пустякъ.

Я разсердился на Ахмеда за его чрезмерную придирчивость къ несчастному труженнику, и далъ ему это почувствовать тычкомъ колѣнка въ его спину, какъ бы невзначай, перевертываясь на другой бокъ.

Впрочемъ, едва ли онъ меня понялъ.

Мы въ это время спускались куда-то внизъ и безпокойный Ахмедъ приподнялся на локоть, чтобы снова обследовать мѣстность,—не видать ли зеленаго пятна...

Баринъ! заревѣлъ онъ вдругъ нечеловѣческимъ голосомъ:—Владиміръ Николаевичъ, кажется, кишлакъ!.. По-

смотрите!.. Посмотрите!.. Скорѣй!.. Скорѣй!!.. Почему-то торопиль онъ меня...

Я вскочилъ очень взволнованный.

Дѣйствительно, всего въ четверти версты отъ насъ, у подошвы спуска, весь утопая въ зелени, разстилался большой кишлакъ, а за нимъ блестяла, играя на солнцѣ, бурная горная рѣчка съ рисовыми квадратными полями по берегамъ, а надъ рѣчкой, съ доносившимся даже до насъ крикомъ, весело кружились чайки.

Такъ это было необычайно красиво и поэтично, вѣяло ото всего этого такой сказочной таинственностью и уютomъ, что мнѣ стало вполне понятнымъ волненіе Ахмеда и его опасенія за то, что я упущу хоть мигъ возможности созерцать такую прелесть.

— Воды-то сколько, воды-то!.. не унимался Ахмедъ, весь дрожа отъ нетерпѣнія.

— Скорѣй ты, чертъ! Заснулъ, что-ли?.. тормозилъ онъ сарта, да ты запой,—лошадь лучше пойдетъ!—пытался онъ опять состричь.

Въ это мгновеніе мы уже вѣзжали въ кишлакъ...

Встрѣтили кое-кого изъ сельчанъ-сартовъ, съ разинутыми отъ изумленія ртами, провожавшими насъ до тѣхъ поръ, пока густое облако пыли не скрывало насъ отъ нихъ, а ихъ отъ насъ...

Чумазые и загорѣлые ребятишки, завидя насъ, съ ревомъ убѣгали въ калитки или быстро перелѣзали черезъ глиняный заборъ и оттуда трусливо выглядывали, а собаки подымали отчаянный визгъ и вой и тоже прятались куда попало.

Всѣ говорило за то, что здѣсь или никогда или очень рѣдко, бывали русскіе люди.

И теперь, когда мы, подѣхавъ ко двору волостного старшины, слѣзли съ арбы и отряхали съ себя обильную пыль, собравшаяся сотни въ двѣ толпа ребятишекъ и взрослыхъ мужчинъ сартовъ, рассматривала насъ издали съ любопытствомъ, несравненно большимъ, чѣмъ мы глядимъ въ зоологическомъ саду на жираффа или бѣлаго медвѣдя.

Наиболѣе храбрые изъ нихъ, почему-

то съ очень смѣшными физіономіями, подступили настолько близко, что можно было даже слышать ихъ голоса и понять, что они страшно чему—то удивляются и чего-то не понимаютъ..

Скоро явился самъ старшина,—сѣдой старикъ въ зеленомъ бархатномъ халатѣ и съ пашкой очень стараго образца, на боку.

Разогнавъ однимъ жестомъ всю толпу, онъ низко поклонился намъ и, что-то бормоча, взялъ обѣими руками мою руку, потомъ руку Ахмеда и пригласилъ насъ войти въ постройку..

Мы попросили пить и когда старшина ушелъ, стали рассматривать комнату.

Первымъ, что мнѣ попало на глаза, это—огромный скоршонъ, приютившійся на стѣнѣ у ниши, въ которой были сложены горой, самыхъ разнообразныхъ рисунковъ, ватныя одѣяла и подушки.

Стало неприятно жутко...

Много, много разъ доводилось мнѣ лицезрѣть это пренесимпатичнѣйшее насѣкомое и ловить его иногда на своей собственной постели, и на платѣ, и на стѣнахъ кабинета, но никакъ не удавалось привыкнуть къ нему настолько, чтобы при одномъ видѣ его, хотя бы мертваго въ баночкѣ со спиртомъ, не содрагаться отъ жути всѣмъ тѣломъ и не терять всякое болѣе или менѣе благодушное настроеніе...

Въ дверяхъ показалась босая, съ повязаннымъ цвѣтнымъ платочкомъ на головѣ, дѣвочка лѣтъ 10 — 11 съ глинянымъ кувшиномъ въ рукахъ, что-то глубокомысленно напѣвавшая; но увидѣвъ насъ, замолкла, почти бросила на землю свой кувшинъ, чуть не опрокинувъ его, и стремглавъ вылетѣла вонъ, какъ ласточка.

Мы жадно принялись пить воду къ удовольствію старшины, очутившагося тутъ же съ подносомъ и нѣсколькими черными лепешками, симметрично разложенными на немъ...

Затѣвался чай и обѣдъ по случаю рѣдкихъ гостей, о чемъ я узналъ отъ повеселѣвшаго и снова разболтавшагося Ахмеда.

— Не замѣтили вы, Владиміръ Николаевичъ, какъ красива эта дѣвочка,

что принесла намъ воду?—сказаль онъ, когда мы уютно расположились на мягкомъ устланномъ коврами и одѣялами полу въ ожиданіи чая;—ахъ какая красивая! Глаза, какъ угли,—такъ и горятъ!.. Вотъ такъ Юльчи!

— Что?.. Что такое ты сказаль?..

— Юльчи, говорю. Это ту дѣвочку такъ зовутъ.

— Юльчи?.. А что это значитъ?

— Это значитъ посланникъ. Тутъ всѣ считаютъ ее ангеломъ, всѣ любятъ ее и очень ея боятся.. И никто не знаетъ, когда она родилась... Живетъ она у старшины, и онъ считается самымъ достойнымъ уваженія человекомъ въ селѣ. Но она не его дочь... Никто не знаетъ, чья она дочь... Говорятъ, собралъ разъ старшина сходъ, года четыре тому ужъ... Народъ заволновался;—уже не налоги ли опять новые?.. А онъ вышелъ къ нему съ этой дѣвочкой да и говоритъ:—Вотъ, говоритъ, Богъ послалъ намъ ангела и имя ей Юльчи... Кто обидитъ ее, того накажетъ Богъ; кто будетъ любить ее, того и Богъ полюбитъ... И ушелъ, и ее увелъ... Народъ ничего не понималъ, а онъ такъ никому ничего больше и объяснять не хотѣлъ... Такъ она съ тѣхъ поръ и живетъ здѣсь...

— Хорошую ты сказку придумаль, —разсмѣялся я. Что это ты, отъ жары чтоль съ ума спятилъ?..

— Ничего я не спятилъ и никакихъ сказокъ не выдумывалъ... Обидѣлся мой Ахмедъ:

— Тутъ всѣ объ этой Юльчи только и говорятъ... Вотъ спросите арбакеша, сказка, это, или нѣтъ. Спросите-ка!..

— Ну, ужъ ладно! Вѣрю, вѣрю. Не сердись!..

— Да я и не сержусь... Вотъ недавно, говорятъ, тоже одинъ мальчишка здѣсь умеръ. Отчего умеръ,—никто не знаетъ. Совсѣмъ здоровый былъ... А потомъ узнали,—онъ у этой Юльчи куклу укралъ...

— Оттого и умеръ?—Опять разсмѣялся я.—Эхъ Ахмедъ, Ахмедъ! Человекъ ты, кажется, не глупый, а болтаешь всякій вздоръ и Богъ знаетъ, кому и чему вѣришь... Стыдись!..

— Да я не вѣрю, Владиміръ Николаевичъ! А такъ, народъ болтаетъ, ну и слушаешь... Нельзя же...

— А ты не слушай!.. Пусть себѣ болтаютъ.

Ахмедъ обидѣлся, надулъ губы и замолчалъ, какъ воды въ ротъ набралъ.

— Вотъ, она пришла!—вскрикнулъ онъ вдругъ, какъ бы чего-то испугавшись и заставивъ вздрогнуть меня... Смотрите!..

Я быстро повернулъ голову по тому направленію, куда указывалъ мнѣ взглядомъ Ахмедъ и увидѣлъ дѣйствительно нѣчто необыкновенное: та самая, такъ испугавшаяся насъ вначалѣ, босая съ платочкомъ на головѣ дѣвочка, съ бѣлымъ здоровымъ цвѣтомъ лица, красивыми большими черными глазами и густыми бровями, теперь совершенно спокойная, гордо несла намъ въ обѣихъ рукахъ по чайнику кипятку; съ озабоченнымъ видомъ она осторожно развернула свѣжую пачку зеленого чая и, заваривъ его, исподлобья взглянула безо всякаго смущенія намъ въ глаза. Затѣмъ поднялась и не торопясь вышла.

Мой Ахмедъ былъ очень взволнованъ...

— Ну что?!—сказаль онъ мнѣ торжествующе:—Не вѣрили!..

— Да,—отвѣчалъ я ему, и больше ничего не могъ сказать... Я не разобрался еще вполне въ томъ, что только что увидѣлъ, и чувствовалъ себя скверно отъ всплывшаго въ моемъ сознаніи совсѣмъ неожиданнаго воспоминанія, смутнаго неопредѣленнаго, но тяжелаго и мучительнаго... Что-то такое вспомнилось, пронеслось въ мозгу, какъ вихрь, защемило сердце... А что это было,—я не понималъ...

Ахъ да!.. Вотъ это что!.. Эта дѣвочка напомнила мнѣ мою маленькую дочку, Юличку... И милые, давно ушедшіе, образы заняли мое воображеніе.

Юличка моя утонула семь лѣтъ тому назадъ... Играла съ няней на берегу Дарьи (мы тогда на Сыръ-Дарьѣ жили). Нянька, была больная старуха,—подъ деревцомъ заснула, а дочка моя, видно,

увлеклась собираніемъ камушковъ или цвѣтковъ, да и сорвалась въ воду... Искали, искали ее потомъ, такъ и не нашли... Только недалеко отъ того мѣста поймали въ заводи ея вязанную шапочку, да любимую Юличкину целлулоидную куклу. Видно моль, водой куда-нибудь занесло. А вода и въ самомъ дѣлѣ, въ то время, въ іюлѣ мѣсяцѣ, была сильная... Гдѣ ужъ тамъ найти... Жена моя съ горя, — вѣдь единственная была дочка, — заболѣла бѣдняжка нервной горячкой... Проболѣла недѣли двѣ, да и тоже отдала Богу свою безгрѣшную, мученическую душу...

Такъ вотъ эти-то два образа и всплыли въ моей памяти. А вмѣстѣ съ ними вспомнилось и то далекое, далекое, какъ сонъ, счастливое время, когда мнѣ еще не были знакомы ни горести, ни страданія, когда все это поглощалось слѣпымъ счастьемъ и какою-то увѣренностью въ столь же свѣтлое и райски блаженное будущее... Молодъ еще тогда я былъ, слишкомъ молодъ. Потому и вѣрилъ слѣпо всякимъ сказкамъ своего горячаго сердца и гордаго ума...

Послѣ такой безстыжей насмѣшки судьбы, вздумалъ было и я насолить ей... — Ты, дескать, — судьба, и тебя всѣ боятся, а я тебя не боюсь!.. И поверну тебя такъ, какъ мнѣ вздумается. Ты мнѣ предписала терзанія, а я возьму и застрѣлюсь!..

Такъ и рѣшилъ... Только, видно, она злодѣйка, сильнѣе оказалась, — раздумалъ, а вмѣсто того взялъ отпускъ и махнулъ въ Америку.

Нѣсколько развлекшись долгимъ и небезынтереснымъ путешествіемъ, въ дотолѣ совершенно незнакомую мнѣ страну, длившемся безъ малаго четыре мѣсяца, я снова вернулся въ Туркестанъ, на прежнее мѣсто и приступилъ къ исполненію своихъ докучливыхъ обязанностей завѣдующаго казенными имѣніями.

Такъ скучно, однообразно потянулась моя жизнь съ той поры...

Ничего свѣтлаго не оставалось больше впереди, — все было въ прошломъ, да-

леко въ прошломъ, исчезнувшимъ, какъ мимолетный призракъ, какъ сказка.

И теперь это прошлое такъ ясно встало въ моей памяти и такъ мучительно больно сжимало сердце и грудь, что стало трудно дышать и хотѣлось плакать...

И я бы навѣрное заплакалъ, если бы Ахмедъ не вывелъ меня изъ забытья...

— Что вы, Владиміръ Николаевичъ, чай то не пьете?.. Остынетъ!..

— Да, въ самомъ дѣлѣ... Что это я?.. Усталъ больно, спать хочется!..

— Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста не ложитесь!.. Надо черезъ часъ-полтора выѣзжать!.. Поздно будетъ!.. Эй, ты, — закричалъ онъ по сартовски арбакешу тономъ строгаго господина: — черезъ часъ чтобы лошадь была готова! Слышишь?!

Юльчи, которая въ это время несла намъ чайникъ свѣжаго чаю, вдругъ какъ-то порывисто остановилась, съ ужасомъ и мольбой поглядѣла мнѣ въ глаза, какъ бы спрашивая: Неужели правда то, что онъ сказалъ? — затѣмъ быстро поставила чайникъ и выскочила за двери...

Мы съ Ахмедомъ переглянулись, недоумѣвая.

— Чего же она испугалась? — спросилъ я.

— Не знаю!

— Не хочеть, чтобы мы уѣзжали?..

— Кажется... Только ей-то что!?. Не понимаю... Ну, а мы все же поѣдемъ, Владиміръ Николаевичъ; — вымолвилъ вдругъ почему-то мой глупый Ахмедъ съ самой серьезнѣйшей миной, какъ будто отъ желанія или нежеланія этой маленькой дѣвочки хоть сколько-нибудь и въ самомъ дѣлѣ зависѣлъ нашъ отъѣздъ: Что тутъ сидѣть?! А дорога теперь не трудная, все берегомъ; воды — сколько вашей души угодно!.. Вы бы пока укладывались, а я пойду къ арбѣ наши одѣяла похлопаю... Ужъ больно пропылились...

— Ай! — вдругъ заревѣлъ онъ благимъ матомъ, хватаясь правой рукой за локоть другой руки: — Ай! Помогите, — скорпіонъ!!

— Съ вытаращенными отъ ужаса

глазамъ онъ вскочилъ на ноги и, мотая въ воздухъ одной рукой, метался по комнатѣ и рвалъ другой рукой свою сатиновую рубашку. Скоро рукавъ былъ оторванъ и валялся на полу, а еще черезъ мгновение изъ него дѣйствительно выползъ громадный зеленый скорпионъ и медленно двигаясь, изрядно помятый, направился было подъ коверъ, но былъ раздавленъ подоспѣвшимъ на помощь старшиной.

На обнаженной рукѣ Ахмеда отчетливо виднѣлись три красныхъ пятнышка на ужаленныхъ мѣстахъ, а черезъ полчаса вся рука превратилась въ нѣчто, очень похожее на ровное, круглое полѣно и лишилась способности сгибаться.

Ахмедъ все еще метался по комнатѣ, кричалъ и отчаянно ругался отъ боли.

— Негодная дѣвчонка!—вопилъ онъ въ изступленіи:—это ея дѣло!.. Она колдунья, а не ангелъ! Вотъ увидите,—здѣсь намъ обоимъ смерть!.. Она хочетъ погубить насъ!..

Мнѣ, признаюсь, стало стыдно за Ахмеда до того, что я готовъ былъ его избить. И немного почему-то жутко отъ его нелѣпыхъ, несвязныхъ рѣчей и изступленнаго голоса... Я уговаривалъ его, совѣтывалъ успокоиться и слѣдилъ затѣмъ, какъ во мнѣ самомъ это безпокойство росло все больше и больше и какъ дошло оно наконецъ до того, что я рѣшительно не могъ здѣсь дольше оставаться и рѣшилъ тотчасъ же двинуться въ путь.

— Поѣдемъ, Ахмедъ, отсюда!—предложилъ я ласково.

— Ой, Владиміръ Николаевичъ, не могу! Ей Богу не могу... Ой, какъ больно! Какъ ломить руку!.. Какъ же я поѣду?!

Скоро Ахмедъ впалъ въ забытѣе, былъ весь въ жару и бредилъ...

Стало ясно—приходилось оставаться ночевать въ этой мерзкой комнатѣ, полной скорпионовъ, да еще такъ близко, въ такомъ жуткомъ сосѣдствѣ съ этой таинственной Юльчи...

Вечеромъ принесли лампу съ законченнымъ стекломъ, прикрѣпили ее на

длинной проволокой къ потолку и зажгли.

Стало совершенно неожиданно настолько свѣтло, что можно было читать и я этимъ воспользовался. Досталъ изъ саквояжа книжку и погрузился въ чтеніе, уютно развалившись на только что приготовленной мнѣ на полу постели.

Такъ я лежалъ и читалъ часа два.

Ахмедъ все еще не приходилъ въ себя.

Глаза отъ напряженія утомились, появилась рѣзь. Я швырнулъ книжку и... обомлѣлъ. Въ дверяхъ, прислонившись къ косяку, стояла Юльчи и изъ подлобья глядѣла на меня своими большими черными глазами. Когда взгляды наши встрѣтились, она улыбнулась, кокетливо и стыдливо опустила глаза внизъ и подошла ко мнѣ... Услышавъ на полу возлѣ меня и смотритъ, смотритъ прямо мнѣ въ глаза; что-то хочетъ сказать мнѣ, да не рѣшается... Оглядывается по сторонамъ, иногда поглядитъ на дверь... Чего-то боится... Отца, видно—рѣшаю я, такъ какъ знаю, что у сартовъ женщинамъ не принято говорить съ мужчиной, а тѣмъ болѣе русскимъ... А женщиной у нихъ становится дѣвочка чуть не съ 7-ми лѣтъ...

— Что же ты не спишь?—спрашиваю я ее, кое-какъ по сартовски.

— (Не дается мнѣ этотъ окаянный языкъ, сколько не учусь)...

— Не хочу—говоритъ она улыбаясь...

— А зачѣмъ ты пришла?..

— Онъ спитъ?—спрашиваетъ она шопотомъ, указывая на Ахмеда...

— Да спитъ. Онъ больной.

— Больной!

— Да. А зачѣмъ ты пришла?—допытываюсь я, и думаю про себя: и ничего въ ней страшнаго нѣтъ... Самый обыкновенный ребенокъ, только очень красивый и ласковый. А какъ она похожа на Юличку! Глупый Ахмедъ!..

Тутъ она глубоко вздохнула, обернулась опять на дверь, на спящаго Ахмеда, и тихимъ шопотомъ начала что-то быстро говорить... Что ужъ она говорила,—я не понялъ, то есть ни единого слова разобрать не могъ,—до того

она, видимо, бѣдняжка волновалась... А она воодушевлялась все больше и больше, вся раскраснѣлась, показывала куда-то рукой, кому-то грозила кулакомъ,—на глазахъ ея показались слезинки. Понялъ я только, что она на кого-то мнѣ жалуется, о чемъ-то просить.

Но что такое?!. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь важное!.. Надо же добиться толку!

— Арбакешъ!—позвалъ я. Нашъ возница кое-что зналъ по-русски и могъ помочь мнѣ понять бѣдную Юльчи.

Но что съ ней?!. Она, какъ ужаленная соскочила съ своего мѣста, вскрикнула, закрыла лицо руками и съ визгомъ выбѣжала въ дверь.

Я ничего не понималъ и очень жалѣлъ, что она ушла.

Что ей отъ меня надо?

Черезъ минуту явился арбакешъ:

— Вы меня звали?..

— Теперь не надо... Иди, спи! Постой! Вспомнилъ я—ты не знаешь, что такое Люли“?..

— А!.. Люли?.. Это зовутъ цыганскій народъ!..

— Ага! Ну, ну! Ступай! ступай!

— Значить она цыганка,—догадался я... Ну, а дальше что?..

— Что же дальше?.. Почему же она плакала?.. Нѣтъ, что-то не такъ!.. Завтра же утромъ все непременно съ Ахмедомъ разузнаю,—рѣшилъ я, и осмотрѣвъ тщательно свою постель и, погасивъ лампу, легъ спать...

Какъ нарочно въ этотъ самый мигъ застоналъ, доселѣ молчавшій и успокоившійся, Ахмедъ; зарычалъ какъ-то особенно совсѣмъ не почеловѣчески, потомъ завылъ жалобно,—жалобно и забормоталъ что-то несвязное.

Стало до того жутко, что холодный потъ выступилъ у меня на лбу...

Усталость, однако, брала верхъ и я скоро все же заснулъ, успокоенный пришедшей во время и кстати мыслью о шестизарядномъ револьверѣ, лежавшемъ у меня подъ подушкой и исключавшемъ всякую возможность страха...

Часовъ въ 12 ночи я проснулся отъ душераздирающихъ стоновъ и ужасна-

го бреда Ахмеда и инстинктивно быстро схватился за револьверъ...

— Вотъ она!.. Опять она пришла!—сквозь зубы цѣдилъ больной:

— Опять!.. Она погубитъ насъ!.. Прогоните! Убе-е-ейте ее!!!

Я приподнялся было на локоть, чтобы разбудить Ахмеда и... замеръ отъ ужаса... Мнѣ почудился легкій топотъ босыхъ ногъ по голому полу у дальней стѣны нашей комнаты..

Сжимая въ рукѣ револьверъ и не дыша отъ страха, я прислушивался, готовый каждую секунду лишиться разсудка.

Топотъ на мгновенье затихъ и тотчасъ снова возобновился.

Теперь уже, впрочемъ, стало ясно, что кто-то идетъ прямо на меня...

Весь дрожа, я собрался крикнуть, что есть мочи, чтобы разбудить Ахмеда и напугать забравшагося съ явно недоброю цѣлью негодяя,—но голосъ не повиновался мнѣ... Сознаніе совершенно отказывалось прійти ко мнѣ на помощь и бросило меня на произволь моихъ до безумія возбужденныхъ чувствъ.

Въ этотъ моментъ я вспомнилъ всѣ самые ужасные случаи, о которыхъ мнѣ когда-либо приходилось слышать, и подъ впечатлѣніемъ этихъ воспоминаній во мнѣ появилась непоколебимая увѣренность въ томъ, что съ самимъ мною сейчасъ должно произойти что-то еще ужаснѣе, результатомъ чего непременно будетъ моя смерть.

— Нѣтъ, буду бороться!—рѣшилъ я твердо.

Въ этотъ мигъ я различалъ въ темнотѣ человѣческой обликъ и, неотдавая себѣ въ томъ отчета, быстро направивъ на него револьверъ,—нажалъ спускъ...

Грянулъ выстрѣлъ... Перепугавшійся Ахмедъ завопилъ съ просонья благимъ матомъ о помощи... Въ темнотѣ что-то вскрикнуло и грохнулось на полъ....

На шумъ сбѣжался народъ... Прибѣжалъ старшина съ лампой и освѣтилъ картину: на полу въ лужѣ алой крови съ прострѣленною, грудью еще живая, но блѣдная, какъ смерть, лежала Юльчи...

Съ чувствомъ тяжелаго стыда и горькаго раскаянія я бросился къ своей несчастной жертвѣ, взялъ ее на руки и перенесъ на постель.

Разорвавъ платье, чтобы перевязать рану, я увидѣлъ нѣчто необычайное, что невольно отбросило меня на сажень и исказило мое лицо трагической гримасой:

На груди Юльчи, на массивной серебрянной цѣпочкѣ, висѣлъ большой золотой крестъ...

Приглядываюсь... Что-то знакомое!..

Боже!.. Я не въ силахъ мыслить!.. Да вѣдь это крестильный крестъ моей Юлички!.. Ну, да! вотъ и цѣпочка та же и замочекъ!..

Боже!.. это Юля!!.. Моя Юля!!.. Конечно она!.. Господи, что я надѣлалъ!!

Теперь мнѣ наконецъ все—все стало понятнымъ...

Но зачѣмъ такъ поздно.....

Силы покинули меня, я не могъ шевельнуться...

Вцѣпившись руками въ свои волосы, я глядѣлъ, глядѣлъ на свое бѣдное дитя... И больше ничего не видѣлъ...

Кто-то упалъ у моихъ ногъ, что-то говорилъ и плакалъ...

--Люли...—донеслось до моихъ ушей... Люли... Люли..

Хочу вспомнить, что это такое, и не могу—Люли... Люли..

Оглянулся,—всѣ плачутъ. Ахмедъ отвернулся къ стѣнѣ и тоже плачетъ. У моихъ ногъ старшина уперся лбомъ въ землю...

Ахмедъ! Что онъ?

— Владимиръ Николаевичъ! Что Вы сдѣлали! Владимиръ Николаевичъ!..—

Всхлипывалъ тотъ, тихо плача въ красный платокъ:..

--Вѣдь это въ самомъ дѣлѣ дочка ваша... Старшина ее у цыганъ отнялъ семь лѣтъ тому назадъ,—какъ разъ когда пропала наша Юличка... Что вы надѣлали! .....

Что было дальше, я не знаю... Какъ подкошенный я упалъ на полъ и потерялъ сознание...

Когда утромъ я пришелъ въ себя,—въ комнатѣ не было никого... Я бросился на дворъ... и наткнулся на распластавшагося на землѣ Ахмеда... Онъ плакалъ...

— Умерла!..—еле выговорилъ онъ сквозь рыданія.....

— Знаю!.. Но что же ты плачешь, глупый Ахмедъ?..

Глупый Ахмедъ! Что же ты плачешь?!

Посмотри на меня!.. Вѣдь я же не плачу!?! Глупый, добрый Ахмедъ!!..

Такъ рассказывалъ намъ и закончилъ свою повѣсть старый, сѣдой, съ красными опухшими глазами босякъ въ такой же старой фуражкѣ съ зелеными кантами и зарыдалъ, какъ дитя. Уткнувшись лицомъ въ сложенный комочкомъ рваный пиджакъ, на скамейкѣ вагона четвертаго класса, онъ весь трясся отъ рыданій, не обращая вниманія на наши утѣшительныя слова... На первой же остановкѣ мы сходили, а онъ все еще лежалъ, все такъ же внизъ лицомъ, и плакалъ... Горько плакалъ!..

—Вѣдь я же не плачу!? Глупый Ахмедъ!..

Сергій Стенной.

Волны.

Когда, зачарованный жаждою ласки,
О берегъ разбился влюбленный прибой,
Я тихо подслушалъ волшебныя сказки,
Чудесныя сказки волны голубой.

И пѣсни простора и призрачной шири
Ношу въ просвѣтленной души въ глубинѣ
Мнѣ хочется пѣть о нескованномъ мирѣ
И бодро смѣюсь я свободной волнѣ.

---

* * *

Порваны струны и стоны тягучіе,
Тѣ, что когда-то тревожили грудь,
Вновь не сольются въ аккорды пѣвучіе,
Сердцу навѣкъ не позволять вздохнуть.

Счастье бывое въ страданьи забудется,
Временемъ быстрымъ сотрутся мечты,
Счастье мое не вернется, не сбудется,
Счастье мое не придетъ... какъ и ты.

Александръ Дроздовъ.

Сашка.

— Сашка убить? Чупуринъ? Да будетъ вамъ, ей-Богу! въ газетѣ нашли? Да, теперь вижу — убить. Ай-я-яй, убить Сашка, разудалый, безразсудный Сашка!.. Ай-я-яй!

Я взялъ у студента газету, еще разъ развернулъ ее и еще разъ прочелъ. Написано четкими, жирными буквами: Александръ Григорьевичъ Чупуринъ, подпоручикъ. Ну, конечно—Сашка, сомнѣній не можетъ быть.

— Угораздило же васъ купить „Биржевку“,—сказалъ я досадливо, и болѣзненно улыбнулся.

— А что?—спросилъ студентъ.

Я внезапно разсердился.

— Что? Убирайтесь вы къ лѣшему, вотъ что! Какой вы мнѣ коллега, если до сихъ поръ не понимаете, что объ убитомъ товарищѣ можно жалѣть? Свинство.

Студентъ нахохлился и, пожавъ плечами, началъ разсматривать плевки на мостовой. Я тотчасъ же раскаялся и убѣдилъ его, что никакого свинства въ его вопросѣ нѣтъ и быть не можетъ, но что я разстроенъ печальной новостью и, не подумавъ, наговорилъ чепухи.

— Не сердитесь?—спросилъ я миролюбиво, пожимая его руку.—Не надо сердиться, Николаша. Съ Чупуринымъ я росъ, учился въ гимназiи, сами понимаете. Были общiе интересы, общiя радости, печали. Хорошiй онъ былъ человекъ: ясный, открытый, прямой. Горячiй—бывало, вспыхнетъ,—не остановишь; какъ загорится—бѣда! И на войну ушелъ въ числѣ первыхъ. Д-да.

— Д-да,—согласился студентъ.

Я посмотрѣлъ на него: смѣшной Николаша! Настоящiй, заядлый студентъ, съ небритымъ подбородкомъ, въ пятилѣтнихъ галошахъ и брюкахъ, до него

уже ношенныхъ двумя юристами и однимъ филологомъ. Идетъ себѣ, подкакиваетъ, а у самага въ головѣ—я знаю—растетъ маленькiй, но рѣшительный, крѣпнущiй съ каждымъ днемъ, планъ. Не даромъ почему-то тайкомъ отъ меня ходитъ Николаша въ одну изъ петроградскихъ городскихъ больницъ и наскоро усваиваетъ курсъ санитарной науки. Пройдетъ недѣля, другая, засвиститъ у вокзала поѣздъ, заволнуются люди, дрогнутъ вагоны съ красными крестами и умчится въ нихъ Николаша туда, гдѣ пороховой туманъ стелется по опустошеннымъ равнинамъ, грохочутъ выстрѣлы и молча, безтрепетно и геройски умираютъ славные Сашки Чупурины.

Я взялъ студента за руку, и мнѣ захотѣлось высказать ему все, что постепенно накопилось въ душѣ и просится наружу.

— Поймите, Николаша,—прошепталъ я взволнованно,—съ каждой такой личной потерей мнѣ становится не столько грустно, не столько горько или больно, сколько обидно, и не за него, Николаша—онъ что? Пошелъ, пожертвовалъ, чѣмъ могъ, палъ. Я завидую ему, студентъ вы мой хорошiй, завидую его порыву, которымъ онъ сумѣлъ заглушить все свои мелкiя страстишки, всю будничную прозу, всю пошлость, которая облѣпила насъ со всехъ сторонъ, и мы облѣпились ею. Онъ загорѣлся и пошелъ; онъ зажегъ передъ собою огонь, который самъ по себѣ даетъ смыслъ всему существованiю. А мы-то боремся, а мы-то ищемъ: какъ жить, чѣмъ жить, въ чемъ жить?

— Тогда надо итти,—внушительно сказалъ студентъ.

— Надо, Николаша. У меня старуха

мать и старикъ отецъ, маленькіе, безпомощные, безсильные, и я у нихъ единственный источникъ жизни. Но вѣдь все это вздоръ, пустая отговорка. Развѣ могутъ они здѣсь, въ Россіи, умереть съ голоду? Никогда. Я трусь, слышите? я завязъ по самый затылокъ въ жизненной тинѣ, въ мелкихъ пустенькихъ обиходныхъ привычкахъ, безъ которыхъ я жить не могу... Скверно, братъ, Николаша. Пустякъ я, дрянь. Ничтожество.

— Тогда пойдемъ, — сказалъ Николаша.

— Вы уйдете. Вы хоть и не загораетесь сразу, но то, что тлѣетъ въ вашей душѣ, давно вами выношено и перечувствовано, и вы — сила. Вотъ сейчасъ, когда я гляжу на васъ, я готовъ на всякую жертву, а завтра, лишь только заговорю о томъ, что нужно итти и жертвовать, заплачетъ мать, умоляюще затрясетъ старенькой бородежкой отецъ, и я размякну, покорюсь и буду думать, что правъ, что оправданъ и въ своей совѣсти, и въ совѣсти всѣхъ, кто тамъ на позиціяхъ, подставляетъ подъ выстрѣлы свои груди.

— Да, — согласился Николаша, — а я-бы пошелъ... я и уйду.

Мы шли медленно, молчали, и каждый изъ насъ думалъ про себя.

У редакціонныхъ витринъ, передъ вывѣшанными телеграммами, толпилась публика, громко кричали газетчики и незнакомый старикъ, высокій и худощавый, съ строгимъ выраженіемъ лица, читалъ вслухъ свѣжую газету, пахнущую еще типографской краской. Общій захватъ спаялъ толпу, обычно холодную, чуждую, равнодушную. Въ голосѣ старика было что-то значительное, вѣсое, что подчиняло. Когда онъ кончилъ, крикнули ура, крикъ подхватили, и онъ коротко и отрывисто откликнулся тысячью нестройныхъ голосовъ.

— Это показная сторона, — сказалъ я Николашѣ, — здѣсь только отголоски войны, смягченные, измѣнившіеся, непохожіе на главный, основной голосъ, что звучитъ за тысячи верстъ отъ насъ, пышетъ огнемъ, чадитъ дымомъ, брызгаетъ кровью. Возьмите Сашку Чупу-

рина; вѣдь у него есть невѣста, молоденькая, наивно вѣрящая въ счастье и въ то, что если не судьба, то никакая пуля не задѣнетъ ея Сашку. Ждетъ, вѣроятно, и радуется. А Сашки уже нѣтъ. Чему радуешься? Не радуйся.

Студентъ почесалъ небритый подбородокъ, покосился на меня и проговорилъ:

— Самъ я изъ деревни, и батька мой — крестьянинъ. Я говорю это вамъ къ тому, чтобы показать и обратную сторону, такъ какъ я самъ ее видѣлъ. Такъ вотъ, есть у меня братъ, Егоръ; уже давно на войну забрали. На дняхъ узналъ, что ранили Егора, и привезутъ къ намъ, въ Петроградъ. Написалъ батькѣ съ маткой, пріѣхали. Пошли. Мать у меня въ платочкѣ, отецъ въ поддевичкѣ... Идемъ и думаемъ: какого Егора возвратили намъ? Смѣялись: отецъ говорилъ, что безголового, а я — безногаго, поспорили. Вы удивлены? А по моему, здѣсь самый яркій примѣръ общаго подъема духовной русской силы, когда въ жертву приносятъ и родственное чувство, и жалость. Пришли, смотримъ — лежитъ Егоръ, весь перевязанный, и одной руки у него нѣтъ. Батька ничего, сдержался, хлопалъ его по здоровому плечу: молодецъ, моль! Вотъ вамъ и закулисная сторона.

— А мать?

— Знаете, какъ теперь солдаты говорятъ? Мать наша — родина. И плачетъ она кровавыми слезами, и стонетъ однимъ, общимъ воплемъ. Народъ стонетъ, и тянутся на рать его сыны. Итти надо. Зоветъ скрытый голосъ, и надо итти на призывъ. Надо, слышите?

Николаша не спотыкался уже и не теребилъ рукой обросшій подбородокъ. Онъ пойдетъ. И много пойдетъ такихъ же незамѣтныхъ, застѣнчивыхъ Николашъ; ихъ руками свершится великая историческая эпопея.

Въ невѣсту Сашки Чупурина я самъ былъ когда-то влюбленъ. Высокая, стройная, съ глазами, въ которыхъ видна вся ея душа, глубокая и нѣжная, и чистая какъ небо. Не петроградская

барышня. Въ походкѣ нѣтъ изломанности, и движенія легки и естественны.

— Здравствуйте, Леночка.

Взглянула на меня вопросительно и, какъ мнѣ показалось, съ безпокойствомъ:

— Наконецъ-то соизволили зайти. Почему такъ долго пропадали?

Не смотри на меня такъ, довѣрчивая Леночка! Не смотри на меня такъ и не пытай мою душу... Да развѣ я могу сказать?

— Почему такъ долго пропадали?— еще разъ спрашиваетъ Леночка,— да вы что-то блѣдный. У васъ горе?

— Да.

— Горе? Что же случилось.

— Такъ, Леночка... Теперь каждый день жди дурныхъ вѣстей. Товарища моего убили... моего лучшаго товарища.

— Бѣдный вы.

Я взглядываю на нее и снова прячу глаза. Сейчасъ спросить, какъ зовутъ убитаго товарища, кто онъ и почему я боюсь взглянуть на нее прямо. Что-же я скажу?

— Правду,—говоритъ Леночка, угадывая мои мысли,—скажите истинную правду. Это—снѣ?

Она опирается дрожащими руками на мои плечи и подноситъ свои глаза къ моимъ близко-близко. Сейчасъ я скажу свое рѣшительное слово, скажу то, что

пришелъ сказать, и она забьется въ истерикѣ, и глубокіе глаза исказятся мукой.

— Леночка, дорогая Леночка,—шепчу я и чувствую, что самъ готовъ разрыдаться,—все бываетъ, на то и война. Будьте сильной, спокойной, твердой... Леночка, Леночка-же...

Зачѣмъ я теряюсь и путаюсь въ словахъ? Леночка не плачетъ; развѣ сильнѣе меня Леночка? Она стоитъ и смотритъ на меня открытымъ, немигающимъ взглядомъ: она сильна. Мы опошили женщину, а она встала передъ нами, спокойная и святая, умѣющая терпѣть, страдать и приносить жертвы. Мы опошили женщину, а сами не замѣтили, что пошлы стали сами, что не ея, а наши души оплеваны, наши идеалы попораны, наши жизни обезцѣнены...

Леночка отошла къ окну, сѣла въ кресло и отвернулась. Она не плакала. Густѣли сумерки, мутнѣло небо, и вспыхивали по городу ночные огни. О чемъ думала Леночка?

Я всталъ и незамѣтно вышелъ. На улицѣ разгоралась полуночная жизнь и въ каждомъ ея шорохѣ таилось вѣское, угаданное слово: война.

Утромъ я узналъ, что Леночка собирается на позиціи сестрой милосердія.

Александръ Дроздовъ.

* * *

Зори вечернія, грезы неясныя —

Тѣни скользящія — нѣжныя...

Зори вечернія, хмурыя, красныя,

Зори, какъ море, безбрежныя.

Зори вечернія, грезы, мечтанія...

Дня угасавшаго краски закатныя,

Чьи то послѣдніе стоны, рыданія,

Мысли... мечты безвозвратныя...

С. Емелинъ.

Солнце.

... Да, это я теперь хорошо припоминаю.

Я получилъ раку въ голову. Получилъ совершенно для меня неожиданно.

Было раннее утро. Свѣтлое, солнечное,—первое послѣ долгихъ дождей.

Солнышко такъ ласково пригрѣвало, словно ему вдругъ стало жаль людей, озлобленныхъ, страдающихъ. Словно оно хотѣло вобрать въ себя всю воду и грязь, облегчить мученія борющихся.

Влага испарялась, туманомъ поднималась вверхъ, къ солнцу. А оно какъ бы хотѣло сказать: „Смотрите, какъ хорошо жить! Что вы, глупые, боретесь, уничтожаете другъ друга. Я всѣхъ васъ пригрѣю, всѣмъ хватить моей ласки“.

Оно звало къ себѣ, въ безпредѣльную высоту: „Стремитесь ко мнѣ, будьте свѣтлы, чисты, какъ я. Во мнѣ истина, высшая правда творчества, созиданія, а не разрушенія. Развѣ не видите своихъ заблужденій, развѣ не всѣ вы мои дѣти, мои любимые, кровные дѣти? Будьте же братьями. Смотрите, какъ хорошо жить“!

Такъ говорило солнце...

И не только люди,—вся природа слушала его призывъ.

Какъ то легче стало смотрѣть на сѣрую, однообразную окрестность: она словно преобразилась, просвѣтлѣла. Въ каждой лужѣ, въ каждой каплѣ вчерашняго дождя отразилось солнце. Одинокія, уцѣлѣвшія отъ всеобщаго разрушенія деревья жадно тянулись вверхъ, точно отдыхали отъ долгихъ невзгодъ.

Солнце учило людей...

Закопошились люди. Сладко потягива-

лись и жадно, всѣмъ существомъ брали ласки солнца. Усталыя, жесткія лица преобразились, освѣжѣли. Бодро вскакивали люди, смотрѣли на солнце, улыбались, шутили, словно все позабыли, все, кромѣ ласки.

А вчера былъ бой.

Эти же лица, такія мирныя, добрыя шли впередъ, оставляя на пути понавшихъ подъ пули товарищей.

Гулко раздавались выстрѣлы орудій. Съ трескомъ и шипѣньемъ разрывались снаряды, разрушая все вокругъ. Иногда словно вихрь поднимался, сыпались съ деревьевъ листья, сучки, далеко летѣли брызги грязи, и не только воздухъ,—земля гудѣла и дрожала отъ снарядовъ. Рѣзко, отрывисто, какъ—то особенно противно щелкали пулеметы.

А они шли, шли впередъ.

Словно не видѣли, что по пути теряютъ товарищей, не видѣли ничего, кромѣ тѣхъ дальнихъ сѣрыхъ массъ, откуда показывались облака бѣлаго дыма...

Теперь, въ это утро, все позабыто. Угасшій бой вспоминался, какъ далекое прошлое, какъ дикій кошмаръ. Всѣ думали: да, такъ не должно быть...

Я замечтался и вышелъ въ открытое мѣсто.

Вдругъ недалеко прожужжала пуля, другая.

Я очнулся, инстинктивно почувствовалъ опасность. Хотѣлъ вернуться, но въ ту же минуту меня что то ударило, обожгло голову...

Опять утро.

Я проснулся послѣ операциі. Чувствуется слабость, мучительно больно пошевелить головой.

Опять солнце. Оно первое бросилось

мнѣ въ глаза. Еще не раскрывая ихъ, я чувствовалъ его.

Снопъ лучей черезъ стекло заливали стѣны койки, раненыхъ воиновъ.

Было тихо, тихо. Казалось, что подъ лаской солнца все присмирѣло и замолкло.

Такъ живо, такъ ясно, точно это было вчера, мнѣ вспомнилось то утро.

Чья пуля меня ранила? Неужели тотъ не чувствовалъ солнца, его призыва? Можетъ быть, онъ платилъ за вчерашнюю обиду, мстилъ за павшихъ друзей, за покинутыхъ дома дѣтей?.. Живъ ли онъ? Продолжаетъ ли уничтожать своихъ враговъ? Можетъ быть, уже умеръ... Понялъ ли онъ въ послѣднія минуты призывъ солнца, или такъ и ушелъ отъ жизни, озлобленный противъ всѣхъ и всего?..

Хотѣлось пожалѣть его, сказать ему: „Милый братъ,—вѣдь насъ сроднило солнце,—не мучься. Вѣдь поймутъ же люди солнце, откликнутся на его зовъ. И это скоро, скоро... И тогда наши маленькія страданья пригодятся. Вѣдь на нихъ люди будутъ строить новую свѣтлую, солнечную жизнь. Это же счастье и для насъ“...

Медленно поворачивались лучи. Точно всѣхъ хотѣли они приласкать и пригрѣть, всѣмъ хотѣли показать путь къ солнцу.

Вотъ уже они далеко отъ меня. Остановились на моемъ сосѣдѣ.

И тотъ пойметъ, какъ я...

Солнце поможетъ понять...

К. К. Н.

* * *

Смерть прошла кровавыми полями
Безучастно, тихо, равнодушно,
Зажурчала вслѣдъ тревожно и

послушно,

Кровь бойцовъ игривыми ручьями,
И сплелись въ мистическомъ напѣвѣ
Стоны павшихъ, гулъ далекой

битвы:

Словно отзвукъ боевой молитвы,
Или гимнъ костлявой королевѣ.
Изъ неяснаго, туманнаго далека
Солнце встало жалобно и блѣдно.
Надъ послѣдней тризной человѣка
Воронъ плавалъ хищно и побѣдно..

Александръ Дроздовъ.

Тихія молитвы шепчуть въ церкви люди,
У иконъ завѣтныхъ зажигаая свѣчи.
Предо мной темнѣтъ на блестящемъ блюдѣ

Голова Предтечи.

Я молюсь о чудѣ.

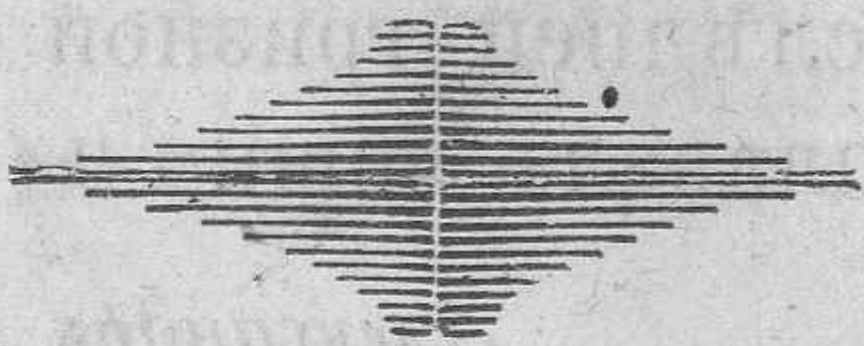
—Іоаннъ Креститель, будь святымъ оплотомъ
Отъ тяжелой думы, скорби неотвязной.
Видишь — мы слезами, кровію и потомъ

Служимъ лишь соблазну
И мірскимъ заботамъ.

Но рукой желѣзной міръ сгибаетъ плечи.
Онъ враждою полонъ — онъ не вѣритъ въ
чудо.

Я беззвучно плачу. И блистаютъ свѣчи
Въ позолотѣ блюда,
Подъ главой Предтечи.

Татіана Б.

Порогъ жизни.

(Пѣснь прозою на мотивъ изъ Ницше).

Розы въ саду начали темнѣть... Густая листва деревьевъ принимала все болѣе общіе, вечерніе тона; листки какъ бы срослись и садъ казался задумчивымъ, уходившимъ въ себя... Наступалъ одинъ изъ іюньскихъ вечеровъ, тихихъ, съ яркими звѣздами. Вдали отъ городского шума, заберешься такимъ вечеромъ въ пустой садъ и сидишь одна, смотришь на далекія звѣзды, вдыхаешь полной грудью чудный воздухъ, въ которомъ такъ и чувствуется близость поля, запахъ колосистой ржи. Нарушая тишину пролетитъ вдругъ мимо васъ какой-то жукъ и это жужжанье вамъ кажется почему-то такимъ же задумчивымъ и мягкимъ, какъ и надвигающаяся іюньская ночь. Думать не хочется. Сидишь, наблюдаешь, прислушиваешься, отдыхаешь душой, забывая рѣшительно все...

Въ этотъ вечеръ было также тихо; горѣли звѣзды, мерцали холоднымъ свѣтомъ. Такъ же сидѣла я въ глуши сада и смотрѣла на окутанные темнотою кусты розъ, на деревья; но не могла забыться, не могла мечтать. Эта наступившая ночь давила меня, внушала мнѣ какой-то ужасъ передъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ, вѣтеръ съ поля шепталъ мнѣ что-то грустное, сжимавшее мнѣ сердце тяжелымъ предчувствіемъ. Душа моя въ то время болѣла, меня тянуло куда-то; итти! Итти! И только ночь останавливала меня бѣжать... туда, гдѣ замирала еще одна молодая жизнь.

...Его письма ко мнѣ были такими искренними! Въ нихъ отражался весь онъ съ своей больной, тоскующей душой. Теперь я вспоминаю каждую фразу изъ его писемъ, этихъ ежедневныхъ страданій. Онъ уже нѣсколько лѣтъ

писалъ мнѣ, писалъ все, рѣшительно все, т. к. считалъ меня своимъ единственнымъ другомъ. Познакомились мы въ одинъ изъ зимнихъ дней и познакомились какъ-то странно. Я была еще гимназисткой, онъ тоже учился. Однажды, идя изъ класса, онъ подошелъ ко мнѣ и самъ представился; мы знали уже немного другъ друга, еще не сказавъ ни слова. Я вспоминаю этотъ день, ту минуту, когда онъ протягивалъ мнѣ руку. Въ этотъ мигъ что-то крѣпкое, роковое связало насъ и такой нелѣпой кажется мысль, что было время, когда и я, и онъ были совсѣмъ чужими.

* *

I.

Мы въ лѣсу. Онъ читаетъ что-то вслухъ, а я или мечтаю, вдыхая смолистый воздухъ лѣса, или собираю въ оврагахъ цвѣты и бросаю смѣясь въ него. Онъ сидитъ неподвижно, оторветъ на время свой взглядъ отъ книги, крикнетъ мнѣ, если я далеко заберусь: „Нелли!“ и снова громко читаетъ. А затѣмъ, когда намъ въ лѣсу надоѣдаетъ, мы идемъ по узкой дорожкѣ среди колосьевъ высокой, зеленѣющей ржи, наклоняемся, срываемъ веселые васильки, смѣемся; смотримъ, у кого болѣе пышный букетъ. Онъ рассказываетъ о своей прежней дѣтской жизни или о своихъ планахъ на будущее; я открываю ему тайны своей юности. И у обоихъ было такъ хорошо, такъ свѣтло на душѣ. Чистая, хрустальная молодость говорила нашими устами, нашимъ взглядомъ. И наше будущее казалось намъ такимъ далекимъ и въ такомъ чудномъ свѣтѣ! Святое время нашей жизни!

* *

Въ своихъ письмахъ ко мнѣ онъ просто и искренне въ каждой строчкѣ говорилъ о своемъ высокомъ красивомъ чувствѣ; для него Нелли была идеаломъ и съ этимъ идеаломъ онъ связывалъ свою жизнь; строилъ ее на постоянной мысли о сказочно-прочной дружбѣ... Только теперь я начала иначе смотрѣть на эти письма; я перестала смѣяться надъ ними...

Мнѣ такъ больно и грустно, когда вспоминаю ихъ.

* *

Наступила осень, а съ нею началась школьная жизнь. Мы также могли гулять вмѣстѣ. Я познакомилась съ его друзьями и они начали бывать у меня. „Онъ“ же былъ занятъ своими дѣлами, но писалъ мнѣ каждый день. Въ этомъ ему чудилось облегченіе: не видѣть меня ему было очень тяжело. Въ каждомъ письмѣ—все стремленіе къ идеалу, любовь, желаніе быть правдивымъ, искреннимъ, любить людей. „Нѣтъ несчастныхъ людей. Всѣ должны быть счастливыми. Надо любить всею душою, любить всѣхъ. И въ этой любви ко всѣмъ—величайшее счастье. Въ любви, въ правдѣ, въ искренности—можетъ жить человѣчество. Нѣтъ людей, которые бы не отвѣтили на правду правдой, на искренность—искренностью. Вѣдь наше христіанское ученіе говоритъ о любви даже къ врагамъ. Такъ неужели же не будемъ жить съ друзьями, съ знакомыми безъ вѣчной вражды?“ „Какъ мнѣ больно, Нелли, что вокругъ вѣчно интриги! Вѣчно что-то пустое; гордое, кокетливое, воздушное и въ то же время пустое. Зачѣмъ это стремленіе быть выше насъ, молодыхъ людей? Эта заносчивость, неискренность? И почему ты, моя дорогая Нелли, ты не такая, какъ опѣ; ты—воплощеніе всего чистаго, красиваго и высокаго! Ты выше ихъ всѣхъ; выше ихъ своей простотой; съ тобою можно быть товарищемъ, дѣлиться всѣмъ. Съ „ними“ я такъ говорить не могу. Это кокетство отталкиваетъ меня! Эти цвѣты, которые я такъ люблю, кажутся мнѣ противными,

ядовитыми на ихъ груди! Они засыхаютъ въ ихъ рукахъ, такъ какъ тамъ гдѣ ложь не можетъ быть жизни“.

* *

II.

... „Нелли! За что ты мучаешь меня? Зачѣмъ вѣришь тому, что говорятъ обо мнѣ мои друзья? За что ссоришься со мной? вѣдь ты же знаешь, что я люблю тебя одну, люблю такъ долго; что въ тебѣ я видѣлъ свою мечту. Что ты со мною, Нелли, дѣлаешь? Ты не захотѣла даже выслушать меня, ты прекратила знакомство, ты возвращаешь мои письма нераспечатанными. Выслушай же меня. Не вѣрь другимъ, пока со мною не поговорила. Нелли! Вѣдь я же не думаю, что нельзя вѣрить даже друзьямъ; я такъ любилъ ихъ, я такъ довѣрялъ имъ и всѣмъ людямъ. Ты обвиняешь меня въ томъ, что я распространялъ о тебѣ что-то дурное тѣмъ, что давалъ твои письма читать друзьямъ. Ты же сама говорила, что въ нихъ нѣтъ секретовъ. А вѣдь я вѣрилъ имъ, Нелли! Я дѣлился съ ними своей радостью, а они... Боже мой! Кому же теперь вѣрить? Неужели и ты, ты, Нелли, бросила меня?“

... „Прошелъ годъ, а мы все еще въ ссорѣ. Изъ-за чего? За мою любовь къ тебѣ меня разсорили съ тобою. Я не вѣрю тому, чтобы ты такъ измѣнилась ко мнѣ. Нѣтъ. Рѣшительно я не понимаю, за что меня мучаютъ уже больше года. Неужели нѣтъ ничего святаго для людей? Самое дорогое разбито. Какъ буду жить? Друзьямъ я открывалъ себя, а они смѣялись надъ моими чувствами, они называли это „бредомъ“; они, видимо, не зная, что-такое искренняя привязанность, любовь, думали, что мнѣ не больно отъ ихъ издѣвательства. Или имъ доставляло удовольствіе видѣть слезы мои? Я не вѣрю, что ты такая же жестокая, Нелли. Я тебѣ раскрывая душу, смѣялся раньше,—а теперь плачу предъ тобой. Ты называешь мой плачь „нѣтъ самолюбія“. У меня „нѣтъ самолюбія!“

Онъ, самолюбивый до того, что цѣлые годы казался въ семьѣ своей угрюмымъ,

чтобы только не выдать своего чувства, скрытый,—онъ передъ товарищами и мною раскрылся; онъ отдавалъ дѣйствительно всего себя мнѣ, отдавался всей душой своей. И здѣсь то—раскрывшись передо мною и друзьями онъ думалъ найти любовь, ласку, дружбу. Онъ—этотъ нѣжный цвѣтокъ подъ тѣми первыми лучами солнца, что упали какъ-то случайно на него, потянулся къ этому солнцу всѣми лепестками своими, лепестками еще свороченными; и началъ распускаться, еще не зная дождя, холода, сумрачнаго дня.

И часто теперь я смотрю на розы въ саду, смотрю, какъ по утрамъ блеститъ роса на ихъ чудныхъ лепесткахъ, какъ солнце играетъ въ этихъ капелькахъ, которыя сверкаютъ и горятъ подъ его лучами...

Такъ сверкали слезы и на его глазахъ, когда черезъ два года послѣ ссоры мы снова подали другъ другу руки. Былъ холодный осенній день. Желтая листва устлала землю подъ чудными гигантскими каштанами. Здѣсь насъ „познакомили“ снова. И было знакомство печальнымъ, хотя и исполнялось его желаніе, хотя и сіяли его глаза...

III.

„... Я познакомился съ тобою снова, Нелли! снова я могу пожать твою руку, говорить съ тобою. Но какъ измѣнилась ты за эти годы. Ты—моя прежняя дорогая дѣточка—теперь такая холодная, спокойная, замкнутая въ себѣ. Ты—барышня. Мнѣ больно, мучительно больно, что все разрушено. Я не хочу все же видѣть въ тебѣ барышню, чужого мнѣ человѣка. Вспомни наши прежнія отношенія. Вѣдь я же ничуть не измѣнился: все также люблю свою Нелли, все также мыслями живу съ нею, отдаю отчетъ всегда ей во всемъ. Отдаю вездѣ, гдѣ бы я ни былъ.

... Товарищи мои такъ далеки отъ меня. Послѣ того, что случилось между нами, я больше не вѣрю имъ, не могу считать ни одного изъ нихъ своимъ другомъ. Я не ссорюсь ни съ кѣмъ, но и не открываю никому изъ нихъ ничего. Я боюсь снова ихъ насмѣшекъ. Я, какъ

улитка, закрываюсь въ свою скорлупу и только теперь, когда я держу себя вдали отъ нихъ, когда я перестаю вѣрить имъ,—когда я живу самъ—я начинаю видѣть ихъ „хорошее“ отношеніе. И я задаю себѣ вопросъ: какую же цѣною купить надо такое отношеніе? Быть холоднымъ? Замкнутымъ? Умѣть скрывать свои внутреннія чувства?.. И вы, барышни, только тогда любите человѣка, когда онъ умѣетъ и съ вами лицемерить, вамъ только льстить. Вы любите пустыхъ людей, которые не имѣютъ сердца, какъ не имѣете его и вы. Если бы вы видѣли немного глубже, если бы серьезнѣе отнеслись ко всему, то узнали бы, гдѣ настоящая ложь. Вы знали бы тогда, что тѣ, кто смотрятъ на васъ, какъ на свое развлеченіе, кто идетъ къ вамъ „отдохнуть“ въ веселомъ разговорѣ, въ бессмысленныхъ шуткахъ, въ лживыхъ комплиментахъ, которыхъ вы такъ любите, тотъ не можетъ дѣйствительно любить васъ, не можетъ видѣть въ васъ равныхъ... Вы для него лишь красивый цвѣтокъ; онъ удивится если кто-нибудь другой захочетъ въ васъ видѣть выше себя человѣка... Достаточно самую наглую ложь обставить красиво, усыпать комплиментами, словами о томъ, какъ вы прекрасны—и вы хватаетесь за эту ложь, считаете ее своимъ счастьемъ, благодарите за нее судьбу“.

* * *

„Вы недовольны моими письмами, Нелли. Вы говорите, что я поступаю некорректно, что я оскорбляю васъ. Что сказать мнѣ? Вѣдь вы же должны понимать меня: вы же знаете меня. Зачѣмъ мучить тогда? Какъ можете вы возмущаться моими письмами? Развѣ я лгу? Развѣ хочу оскорбить васъ, если отдѣляю васъ отъ „нихъ“? Или вы измѣнились? Нѣтъ, не хочу думать объ этомъ. Вы все та же прежняя Нелли, Нелли съ чуткой, красивой душой“.

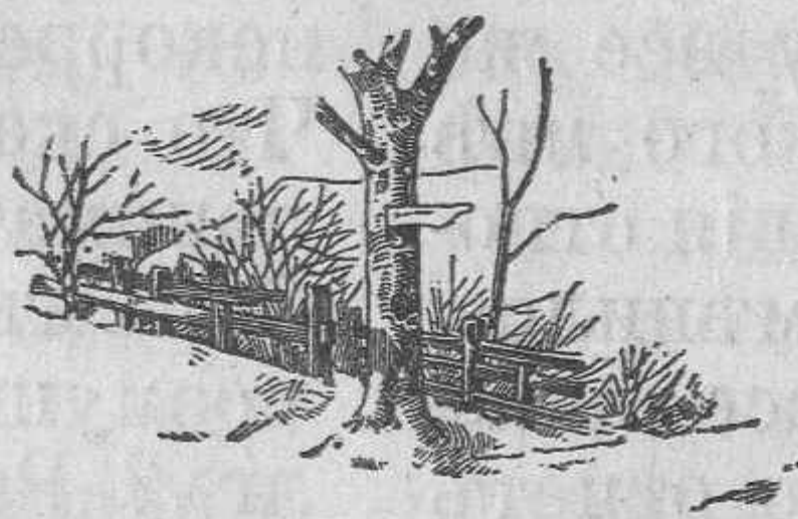
Съ береговъ Чернаго моря, изъ Крыма, онъ писалъ мнѣ о тѣхъ чудныхъ минутахъ, которыя переживалъ онъ тамъ. Писалъ о безбрежномъ морѣ, такомъ красивомъ и могучемъ. Какъ огромное

чудовище, оно, это темно-синее море бросалось на прибрежныя скалы, лизало огромныя камни и затѣмъ съ грохотомъ, съ пѣной, съ солеными брызгами, падало, отступало, чтобы съ новыми силами броситься еще яростнѣе. „Я лежу на высокой скалѣ, смотрю на это чудовище, такое сѣдое у береговъ; люблюсь его вдали виднѣющимися гребнями и слушаю этотъ страшный ревъ. Вотъ нѣсколько капель попало мнѣ въ лицо, и я радуюсь этому, какъ дитя; я играю маленькими камешками, я бросаю ихъ далеко, далеко въ море и смѣюсь... смѣюсь тихо, про себя тому, какъ ничтожны мои усилія, какъ незамѣтны эти маленькіе камешки, какъ не видишь даже тѣхъ мѣстъ, куда они падаютъ. А солнышко по временамъ выглядываетъ изъ-за черныхъ тучъ, золотитъ выемки между гребнями, и какъ бы въ борьбѣ съ тучами, прорывается, освѣщая то вблизи, то вдали красноватыя гигантскія скалы. На время почувствуешь его лучъ на своей головѣ, какъ бы чуть замѣтную, тихую ласку... И лежишь часами, любуясь этой борьбой солнца и мрака. Срывается вѣтеръ. Все небо закрыто. Море реветъ, напрягая всѣ силы. Все выше и выше поднимаются его волны и все яростнѣе кажется этотъ

ударъ о берегъ. Я выхожу изъ мечтательнаго состоянія. Теперь я живу. Я ловлю каждый звукъ, боюсь пропустить его. Я люблюсь темнотой, чернымъ небомъ, я люблюсь силой, грозной стихійной силой; я самъ кажусь себѣ сдѣланнымъ изъ желѣза, душа моя обращается въ громадную наковальню, и я какъ бы прислушиваюсь къ тѣмъ мощнымъ ударамъ молотовъ, которые раздаются во мнѣ... Мнѣ кажется, что никакія бури не разобьютъ меня, что вездѣ и всегда я выйду побѣдителемъ. Пусть въ моей душѣ стучатъ, пусть разрывается сердце, но своей мощной вѣрой въ наши далекіе идеалы я достигну великаго счастья. Это счастье, быть можетъ — закатъ солнца послѣ бури, успокоившееся море, тихая погода, обѣщающая чудную лунную ночь...

Ты молчишь, Нелли? Молчишь! А я все иду дальше. Неужели мнѣ не больно такъ унижаться? Вспомни Гамсуновскую Викторію, вспомни эту гордую дѣвушку, которая такъ любила, такъ умно любила. Но ея гордость въ ея любви исчезла. Любовь покорила и убила ее. Она — гордая, съ сильной волей — не смѣла удержать въ душѣ своего чувства, не могла замкнуться...“

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖИЗНЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.

Въ настоящемъ учебномъ году Военно-Медицинская Академія, совершила по отношенію къ 20-30 молодымъ людямъ актъ большой справедливости, допустивъ въ свои стѣны не только „избранныхъ“ (медалистовъ), но и простыхъ смертныхъ, окончившихъ среднюю школу съ аттестатомъ, въ среднемъ 4, даже меньше. Несомнѣнно отрадный фактъ. Вѣдь нельзя же на самомъ дѣлѣ, полагать, что этотъ Эденъ русской медицины, эта лучшая изъ нашихъ высшихъ медицинскихъ школъ, можетъ давать и должна давать медицинское образование только молодымъ людямъ съ „пятерочнымъ“ аттестатомъ; теперь въ Академіи такъ не думаютъ. Здѣсь во время и глубоко осознали, что хорошимъ военнымъ врачомъ можетъ быть и не дипломированный всеильной пятеркой молодой человекъ, что и въ средѣ „не-медалистовъ“—много даровитыхъ и трудоспособныхъ юношей, которые ни по развитію интеллекта, ни по культурѣ памяти не уступятъ своимъ товарищамъ изъ „медалистовъ“. Многихъ изъ правящей сферы Академіи, очевидно, посѣтила и такая счастливая, дерзновенная мысль: аттестатъ съ круглой пятеркой—еще не показатель особой даровитости человека: онъ свидѣтельствуетъ лишь или объ усердной дрессировкѣ памяти, или объ импотентномъ, постномъ труженничествѣ безъ взлета мысли, безъ смѣлыхъ творческихъ порывовъ, отсутствіе сихъ сплосъ и рядомъ, даже на скамьѣ высшей школы, дѣлаетъ юношу только зубрильной машиной, бездушнымъ рупоромъ науки, автоматомъ... Можетъ быть, эта благая мысль и побудила на упомянутую благодѣтельную уступку благодаря коей 20-30 юношей сдѣлались такими же счастливыми, какъ и ихъ товарищи съ медалями.

Вотъ только теперь грознымъ memento mori стоитъ предъ многими изъ поступившихъ въ Академію денежный вопросъ: вѣдь многіе изъ нихъ были почти увѣрены, что съ перваго же года они получаютъ стипендію или, по крайней

мѣрѣ, большую единовременную субсидію. Но почти для 50% поступившихъ этой надеждѣ не сбыться. Война и въ академической атмосферѣ махнула своимъ чернымъ крыломъ, урѣзавъ бюджетъ Академіи до minimum'a... И многимъ изъ „не-медалистовъ“, очевидно, придется, по крайней мѣрѣ, въ этомъ учебномъ году, быть несчастными счастливыми;—счастливыми потому, что очутились въ долгожданномъ раю высшей медицины, и несчастливцами—потому, что многіе перешли изъ Университета въ Академію, внесли плату въ Университетъ, который въ такихъ случаяхъ, какъ извѣстно, плату не возвращаетъ (sic!)... И получилось у сихъ „счастливыхъ“ положеніе самое незавидное, такъ какъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ средствъ не только на взносъ въ Академію и обмундировку, но даже на столъ, учебники и комнату; положеніе поистинѣ трагическое, и еще болѣе тяжелое потому, что вѣдь большинство изъ поступившихъ въ Академію въ этомъ году—провинціалы, самолюбиво застѣнчивые, неопытные люди, безъ „руки“, безъ благодѣтельныхъ связей, а въ результатъ—у многихъ—положеніе, которое такъ краснорѣчиво и кратко характеризуетъ латинская поговорка: omnia mea mecum porto, положеніе, въ коемъ уже трепещетъ драма, видится тихій ужасъ голоднаго студенческаго существованія!...

Благодѣтельную уступку сдѣлала въ этомъ году Академія для „не-медалистовъ“, еще большее благодѣяніе она сдѣлаетъ, если вполне обезпечитъ всѣхъ своихъ неимущихъ питомцевъ, давъ имъ посильную матеріальную помощь, и тѣмъ доставить имъ счастливую возможность заниматься—и заниматься—только наукой, а не бѣганіемъ по грошевымъ урокамъ и редакціямъ, что такъ обычно для голоднаго студента...

Видите, читатель, и здѣсь рядомъ со свѣтомъ легла тѣнь, имя которой—студенческая нужда, а эта злая баба-яга едва ли посторонится предъ лучемъ одной „благой уступки“. предъ свѣтомъ

свершившейся справедливости; здѣсь требуется большее...

Петроградскій Университетъ.

За послѣдній мѣсяцъ самымъ важнымъ вопросомъ для студенчества явился вопросъ объ ихъ призывѣ въ армію. На этотъ призывъ часть студенчества отвѣтила сочувствующей манифестаціей 8-го октября, въ которой участвовало свыше 6000 человекъ учащихся высшихъ учебныхъ заведеній.

Призыву подлежатъ всѣ студенты I-го и отчасти II-го курса, достигшіе къ 1-му января 1915 года призывного возраста.

Теперь имъ предстоитъ 4-хъ мѣсячной курсъ въ военныхъ училищахъ, а затѣмъ отправка на войну.

Вмѣстѣ съ тѣмъ студенты продолжаютъ записываться на работы и работать въ пользу раненыхъ, принимая участіе въ кружечныхъ сборахъ и въ пріемѣ вещей для солдатъ и разореннаго населенія западной Россіи и въ переноскѣ раненыхъ съ вокзаловъ.

Предложено подать въ отставку заслужен-

ному профессору И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Профессоръ фонъ-Зелеръ чтеніе лекцій прекратилъ по болѣзни.

Профессоръ Э. Д. Гриммъ утвержденъ ректоромъ университета на новое трехлѣтіе. По примѣру прежнихъ лѣтъ въ университетѣ еженедѣльно устраиваются публичныя защиты диссертаций. Защищавшіе—А. А. Заварзинъ на степень магистра зоологіи и сравнительной анатоміи и А. С. Шмидтъ — на степень магистра арабской словесности—получили эти степени. 18 октября въ университетской церкви была отслужена панихида по павшимъ въ бою питомцамъ университета.

Петроградскій Институтъ Высшихъ Коммерческихъ Знаній

19 октября въ Петроградскомъ Коммерческомъ Институтѣ состоялась сходка по вопросу оказанія помощи раненымъ и пострадавшимъ до войны. Постановлено открыть сборъ и деньги направить въ лазаретъ имени высшихъ учебныхъ заведеній.

Письма въ редакцію.

Во-время и кстати „Сѣверный Гусларь“ кликнулъ кличь объ объединеніи русскаго студенчества. Его девизъ: „сплотить молодежь, дать ей возможность высказаться, не заключая ее въ рамки кружковщины, партійщины“, высокъ и современенъ. Когда еще, какъ не сейчасъ, въ дни военной грозы, въ историческіе дни русскаго бытія, пришла благословенная пора соединиться, намъ студентамъ, во единую нераздѣльную корпорацію? Да, именно, въ наши трагически прекрасные дни. Что грѣха таить,—наше студенчество искони страдало злымъ недугомъ, партійнымъ косоглазіемъ. Это его первородный грѣхъ. Что породило его,—гнусная ли политика недоброхотовъ студенчества, студенческая ли атмосфера словесныхъ турнировъ, или слишкомъ горячая кровь нашей молодежи,—пока судить не берусь, но фактъ остается фактомъ: студенчество жило и живетъ несогласной семьей, гдѣ узколовая партійность, взаимное непониманіе и недоверіе свили себѣ прочное гнѣздо. Сейчасъ намъ необходимо бросить наивную игру въ партіи: пусть молодой задоръ нашъ, наша принципиальная рознь благоразумно посторонятся предъ простымъ, но великимъ девизомъ нашихъ дней—„будемъ вмѣстѣ“. Посмотрите товарищи на „культурный“ западъ: какая кровавая трагедія разыгралась тамъ, какъ началась, и варварски грохотъ оттуда нашей Родины прусскій милитаризмъ! А мы вздумали даже въ эти страшные дни сводить между собою былые счеты! Стыдно, товарищи, скажу больше, преступно сейчасъ быть торреодорами кружковщины! Посмотрите вы на общественныя группы, какъ онѣ трогательно снаены одной святою задачей: помочь жертвамъ войны, не различая „ни Эллина, ни Іудея“, какъ ради нея сейчасъ въ трогательной примиренности работаютъ и „лѣвый“ и „правый“, и вельможа-звѣздоносецъ и простой рабочій! А мы собираемъ сходки, торгуемся съ кѣмъ-то о какихъ-то выгодахъ и льготахъ! Правда, въ этой пустой словесной канители участвуетъ только кучка себялюбивыхъ, горячихъ головъ, а большинство студенчества относится отрицательно къ ихъ неумѣстному витійству, но вѣдь „эта стая славная“ бросаетъ тѣнь на здоровый и вдохновенный ликъ нашего студенчества, а потому мы должны такъ или иначе реагировать на нее, поставивъ вмѣсто ихъ затасканнаго лоскутнаго знамени общерусскій, святой и альтруистическій девизъ:

Будемъ вмѣстѣ! Сплотимся безъ различія національности, сословій и убѣжденій въ одну славную когорту, чтобы въ текущей грозной

часъ русской исторіи выступить намъ—кто съ оружіемъ въ рукахъ, кто братомъ милосердія—на аванпосты братской помощи славнымъ витязямъ земли Русской, витязямъ правды ради!

Будемъ вмѣстѣ, товарищи!

Студентъ Евгеній С-въ.

Когда я увидѣлъ „Сѣверный Гусларь“, я даже привскочилъ отъ удовольствія. Воображеніе разыграло—мечты и надежды засіяли красочными переливами въ душѣ моей. Я уже видѣлъ „Сѣверный гусларь“ толстымъ журналомъ. Къ его голосу, голосу молодежи, прислушивается русское общество... Боже мой, а сколько оригинальныхъ талантовъ выросло на страницахъ нашего журнала!

Я мигомъ одѣлся и орломъ полетѣлъ въ типографію... Нужно же продавать журналъ! Нужно какъ можно шире разбросать его среди молодежи! Я былъ убѣжденъ, что журналъ будутъ рвать прямо изъ рукъ... Совершенно не вѣрилъ, что среди студенчества найдутся такіе, что отвернутся! Помилуйте! Журналъ—зеркало, въ которомъ отражается цвѣтущее лицо русскаго юношества—да это находка... Правда, первый номеръ немного слабоватъ. Но вѣдь онъ именно первый номеръ! Откуда могло отразиться въ первомъ номерѣ лицо молодежи? Она же и не знала, что началъ издаваться журналъ!..

Загребъ штукъ 300 журнала... Куда же однако итти продавать его? Лихорадочно пробѣгаю списокъ высшихъ школъ... Политехнической, Психо-неврологической, Петр. курсы высшихъ коммерческихъ знаній. Громко звучитъ! Двинусь. въ коммерческіе курсы—названіе мнѣ понравилось... прямо очаровало меня.

День былъ сырой и тусклый. Но когда въ душѣ все поетъ и прыгаетъ, то и тусклый день превращается въ солнечный. Влѣзъ на трамвай. Сѣлъ... Смотрю на публику и удивляюсь равнодушнымъ лицамъ. Эти люди совершенно не чувствуютъ какой сегодня великій день.

— Кондукторы! по какой улицѣ ѣдемъ?

— Загородный проспектъ.

— Уже Загородный? выскакиваю на площадку и приглядываюсь къ нумераціи домовъ. Еще чего добраго проѣдешь!... 32, 34... Ну еще рано. Успокаиваюсь и не торопясь приготавливаюсь къ вылазкѣ.

Въ зданіи, гдѣ помѣщаются курсы, полно народу, но все мальчишки... Оказывается курсы вечернія... Гмъ! Что же дѣлать?

— Директоръ въ канцеляріи?

Да, да! директоръ въ канцеляріи. Отправляюсь къ нему: надо же попросить разрѣшенія на продажу журнала!

— Вамъ что угодно?

Невысокій человѣкъ въ упоръ разглядывалъ мой костюмъ.

— Вотъ какая вещь, господинъ директоръ. Группа студентовъ издаетъ вотъ этотъ журналъ... журналъ учащейся молодежи... вся чистая прибыль отъ продажи этого журнала идетъ въ пользу... въ пользу павшихъ воиновъ...

Я страшно путаюсь отъ волненія и тычу книжкой журнала чуть не въ самый директорскій носъ.

— Ну, такъ что же вамъ угодно?

— Что угодно?... Я хотѣлъ... Я прошу вашего разрѣшенія продавать этотъ журналъ въ стѣнахъ вашей школы студентамъ.

— Хорошо. Оставьте вашъ журналъ. Мой секретарь его просмотритъ.

— Когда же зайти за отвѣтомъ?

— Ну... Черезъ недѣлку, что ли...

— Помилуйте, господинъ директоръ, да черезъ недѣлю № 2-й выйдетъ!

— Я ничего не могу... Я ничего не могу.

Я въ остолебненіи... Совершенно не понимаю: въ пользу семей запасныхъ и черезъ недѣлку!... Впрочемъ... директоръ! Что же директоръ: онъ не студентъ и не вдова—солдатка!

Рѣшилъ дожидаться вечера и закатиться прямо къ студентамъ.

Наконецъ и вечеръ—и я опять пошагалъ на курсы. Закатился прямо въ „лавочку“. Народу—человѣкъ десять.

— Здравствуйте, товарищи! Я къ вамъ по дѣлу... Издается студенческой журналъ...

Ага! подождите, коллега, минутку. Любезно предложили сѣсть. Жду пока покончатъ съ расчетами.

— Въ чемъ дѣло, коллега?

Объясняю цѣль моего прихода

— Угму!... Такъ, такъ...

Слушавшій мои объясненія студентъ хмуритъ лобъ и поглаживаетъ переносицу, лица окружающихъ дѣлаются серьезными и внимательными. Кто-то потянулся за журналомъ. Я протягиваю книжку моему собесѣднику. Онъ внимательно оглядѣлъ обложку, объявленія, заглянулъ въ середину и спросилъ, кто редакторъ и гдѣ редакция. Сказалъ.

— Что жъ... Можно взять экземпляровъ пять... Только вотъ что я долженъ вамъ замѣтить, коллега: всякій трудъ долженъ оплачиваться и поэтому мы изъ принципа не дѣлаемъ бесплатныхъ услугъ... Сколько вы предлагаете за комиссію?

Я человѣкъ въ высшей степени не дѣловой, и поэтому дѣловитость товарища и, главное, его тонъ, умилили меня чуть не до слезъ... Ай, да русичи! И дѣловитостью носъ утрутъ западу, а не токмо что... Только вотъ пять штукъ немного охладили мой восторгъ.

— Сколько же здѣсь учащихся?

— Человѣкъ 600.

— 600 человѣкъ, и гять штукъ! Что вы, товарищъ?

— Мм... Можно взять и десятокъ. Не правда ли, товарищи? Я думаю, что продадимъ?

— Мой совѣтъ—ни одного не брать... Дрянъ—журналъ.

Я оглядываюсь. Господи, да здѣсь геніи въ своемъ родѣ. Только подошелъ человѣкъ, посмотрѣлъ на обложку и сразу, такъ сказать, провизалъ взоромъ все внутреннее журнала. И такой человѣкъ таятъ свои таланты подъ спудомъ. Я пожимаю плечами, и, такъ какъ отъ изумленія не въ состояніи вымолвить даже слова, слушаю, что будетъ дальше.

— ... Такъ какъ, принимая на себя распространеніе этого журнала, мы этимъ самымъ какъ-бы санкціонуемъ его доброкачественность...

— Гдѣ же я видалъ этого человѣка? Положительно знакомый. Прислушиваясь къ его словамъ и усиленно припоминаю, гдѣ я его могъ видѣть, я выхожу изъ оцѣпенѣнія и рѣшаюсь замолвить словечко за журналъ.

— Послушайте, товарищъ, мнѣ кажется, вы жестоко ошибаетесь. Не входя по существу въ оцѣнку литературныхъ достоинствъ журнала, я долженъ замѣтить вамъ слѣдующее: Не нужно забывать, что это первый номеръ журнала, и журнала, вдобавокъ, студенческаго. Откуда же у насъ могъ быть выборъ? Намъ очень мало прислали матеріала и мало потому, что не многіе знали, что намѣренъ издаваться журналъ. Слѣдующіе номера, если студенчество отзовется на нашъ призывъ, безъ сомнѣнія будутъ значительно вышшаго качества. И затѣмъ, не нужно забывать, что этотъ журналъ издается въ пользу семей павшихъ воиновъ. Вы же тратите ваши пятаки и гривенники на покупку „Огоньковъ“, „Солнцъ Россіи“ и т. п. Почему-бы вамъ не купить этотъ журналъ? Покрайней мѣрѣ вашъ гривенникъ принесетъ пользу не одному издателю.

— Вотъ именно, что онъ первый, онъ и долженъ быть хорошимъ. Разсудительный человѣкъ, начиная издавать журналъ, старается съ первыхъ-же шаговъ заинтриговать покупателя и тѣмъ обезпечить спросъ на журналъ. Вамъ слѣдовало бы озаботиться пріискавіемъ солидныхъ сотрудниковъ... Имена, они многое значатъ... А относительно вашего послѣдняго замѣчанія: когда я покупаю журналъ, я хочу знать, за что я плачу деньги.

— Вонъ онъ кто, этотъ, милый мой критикъ! Леонъ Дрей. Старый знакомецъ Дрей, въ студенты попалъ. То-то, думаю, знакомая личность... Та-акъ.

— Знаете что? не будемъ спорить о пустякахъ. Журналъ этотъ—учащейся молодежи, и ихъ забота давать хорошій и дѣльный матеріалъ, если они хотятъ, что-бы журналъ заслуживалъ вниманія... И вамъ, чѣмъ заниматься—совершенно бесполезнымъ и ни къ чему не ведущимъ дѣломъ, я совѣтовалъ бы просто написать что вибудь, если можете. И написать не

такъ, какъ тутъ написано, а непременно хорошо. Это будетъ и для журнала, и для васъ лучше. А теперь вотъ что, товарищи—десять экземпляровъ мало, берите больше... берите сотню.

— Нѣтъ, сотню слишкомъ много... Какъ никакъ, а журналъ дѣйствительно... и безъ именъ, и слабоватъ, и... для васъ же лучше, если меньше продадимъ. Второй номеръ будетъ интереснѣе и возьмемъ больше... хоть впечатлѣннѣе хорошее оставите.

Наконецъ взяли 20 ш. и надавали цѣлую кучу совѣтовъ. Нужно пригласить имена въ качествѣ сотрудниковъ; экономическія организациі должны имѣть надзоръ за финансовой частію журнала... Словомъ, народъ коммерческій, все предприятие разобрали какъ по нотамъ, и какъ дважды-два доказали, что редакция совершенно не сумѣла поставить дѣло какъ слѣдуетъ. Я какъ изъ бани вылетѣлъ оттуда, весь мокрешенекъ. Иду домой и удивляюсь. Ну, и народъ. Не даромъ, братъ, они воды и огни и мѣдныя трубы коммерческаго дѣла проходятъ. И мысли у нихъ взвѣшиваются по особому тарифу... До тѣхъ поръ, пока общественное мнѣніе не создало „имени“, коммерсанты больше 20 экземпляровъ вашихъ мыслей ни за что не возмутъ. Молодцы ребята, будутъ деньгу зашибать.!!!

Черезъ нѣсколько дней захожу за результатами.

— Какъ дѣла, товарищи? Продали?

— Къ сожалѣнію, вашъ журналъ идетъ очень туго. Продали четыре штуки и больше продавать не будемъ. Товарищи большинствомъ голосовъ постановили—не распространять вашъ журналъ у насъ, и мы, конечно, вынуждены подчиниться.

Поглядѣлъ я на нихъ, хотѣлъ было выру-

жаться, да такъ и не выругался... Что же подѣлаешь, разъ люди пристрастны къ „именамъ“? Не будешь же у нихъ искать оригинальныхъ и свободныхъ мыслителей и художниковъ. Они—люди коммерческіе и, какъ таковые, покупаютъ только то, что шумитъ. А самимъ мыслить... Чай у нихъ деньги есть, зачѣмъ мозги и душу всеу утруждать?

Такъ то милый, госп. редакторъ! Нельзя затѣвать журнала не спросивши совѣта у коммерческихъ людей, а если ужъ затѣяли, то не лучше-ли будетъ не носить имъ второго номера? Именъ-то вѣдь все равно у васъ нѣтъ пока.

И. Лебединовъ.

„Сѣверный Гуслиаръ“ долженъ быть у каждого студента и у каждой курсистки. Такъ и скажите имъ, г. Редакторъ.

Что теперь война,—знаютъ многіе изъ нихъ, а вотъ, что мы завоевали общестуденческой журналъ—это далекій звонъ, откуда онъ? У насъ на Курсахъ первый выпускъ идетъ вяло, его навязываютъ.

„Возьмите, товарищ!“—„Не надо“. „Пожертвуйте, да пожалуйста, вѣдь нашъ журналъ!“—Молчаніе. . . . .

А кругомъ только и слышишь: „Вотъ бы общій клубъ намъ теперь!“ „Вотъ бы объединиться!“ „Хоть бы Поволжское землячество разрѣшили!“ . . . . . и вздыхаютъ курсистки и умныя, и хорошенькія. . . . .

Первокурсница.

ОТЧЕТЪ РЕДАКЦІИ.

**Журналь учащейся молодежи „Сѣверный Гусляръ“
въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ.**

ПРИХОДЪ.

Продано перваго номера изъ 10.000 напечатан- ныхъ-5952 экз., на сумму— 595 р. 20 к.	
Артелями: съ отчислен.	
30%—235 экз. на сумму — 16 „ 45 „	
40%—2751 экз. . . . — 165 „ 06 „	
Приторжна (нѣкоторыми лицами вмѣсто 10 коп. жертвовалось болѣе). —100 „ 87 „	
За объявленія пожерт- вовано фирмами:	
Жоржъ Борманъ . . . — 50 „ — „	
Мертенсъ . . . . . — 25 „ — „	
Эсдерсъ и Схефальсъ — 25 „ — „	
г. Шишмаревой. . . — 5 „ — „	
Отъ подписчиковъ по- ступило. . . . . — 27 „ 45 „	
<hr/>	
Итого выручено. 1010 р. 03 к.	

РАСХОДЪ.

Уплочено:	
по счету типографіи (бумага, печатаніе, кли- ше и проч.).	358 р. 40 к.
По организаціи журнала.	30 „ 10 „
Канцелярскіе расходы (пе- ресылка журнала, рас- ходы по продажѣ жур- нала, почтовыя марки, конторскія книги и пр.).	13 „ 92 „
<hr/>	
Итого	402 р. 42 к.

Чистой прибыли въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ получено . . . . . **607 руб. 61 коп.**

Деньги, за исключеніемъ отчисленныхъ на изданіе слѣдующаго очеред-
ного выпуска журнала, въ количествѣ 300 рублей хранятся въ государственной
сберегательной кассѣ на имя редакціи журнала „Сѣверный Гусляръ“.

Проектируется студенческая организація во главѣ съ редакціей журнала
„Сѣверный Гусляръ“, которая будетъ завѣдывать распредѣленіемъ суммъ,
вырученныхъ отъ продажи журнала.

Редакція.

Редакторъ-Издатель *А. Васильевъ.*

РЕЗИНОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО

„ВУЛКАНЪ“

Гагаринская ул., 28 и 16 (близъ Пантелейм.).

ОТДѢЛЕНІЕ: Воскресенскій пр., 10.

Вулканизация автомобильныхъ шинъ,

Ремонтъ автомобильныхъ покрышекъ и камеръ, хирургическихъ инструментовъ, пожарныхъ рукавовъ приемныхъ и напорныхъ для всѣхъ цѣлей и проч. резиновыхъ издѣлій, а также половыхъ резиновыхъ ковровъ.

ПРОДАЖА И ПОКУПКА АВТОМОБИЛЕЙ, ШИНЪ И
СТАРОЙ РЕЗИНЫ.

Приемъ на комиссію автомобильн. шинъ и разныхъ автомобильн. принадлежностей.

Торговый Домъ

Ф. Л. МЕРТЕНСЪ.

Мѣха и мѣховыя издѣлія.
Боа. Этоли. Муфты.

Просимъ сочувствующихъ намъ присылать въ редакцію — рукописи, рассказы, стихи, статьи на разныя темы, хронику высшей школы, иллюстраціи и проч.

Рукописи должны быть написаны на одной сторонѣ листа, и по возможности четко.

О принятыхъ для напечатанія редакція сообщаетъ письменно. Возвращеніе непринятыхъ рукописей для редакціи необязательно.

Просимъ нуждающихся записываться въ число продавцовъ и принимать участіе въ общей работѣ по распространенію журнала. Объ условіяхъ справиться въ редакціи.

Исповѣдь редактора и Очерки Сибири
будутъ печататься со слѣдующаго номера.

„СЪВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛ. ЖУРН. УЧАЩ. МОЛОДЕЖИ

въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на годъ	5 р.
„ 6 мѣс.	2 р. 50 к.
„ 3 мѣс.	1 р. 25 к.
„ 1 мѣс.	— р. 45 к.